

Ренар М.

ТАИНСТВЕННЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ
ТАЙНА ЕГО ГЛАЗ

ЗОЛОТОЙ ВЕК ДЕТЕКТИВА

Морис Ренар
Таинственные превращения.
Тайна его глаз.
Свидание (сборник)
Серия «Золотой век детектива»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166406

*Таинственные превращения. Тайна его глаз. Свидание: Старт; Москва;
2011*

ISBN 978-5-486-03949-2

Аннотация

Французский писатель Морис Ренар (1875–1939) – один из ведущих писателей-фантастов первых десятилетий XX в. Кроме того, наряду с сюжетами научно-фантастического характера Ренар широко использовал в своих сочинениях мистико-религиозную, псевдогоготическую, детективную и приключенческую тематику.

В этом томе публикуются три произведения Ренара, относящиеся к детективному жанру. Роман «Таинственные превращения» являет собой образец настоящего психологического детектива, напоминающий традиционные расследования Шерлока Холмса, – с загадочным убийством

и применением дедуктивного метода для его раскрытия. Повесть «Тайна его глаз» рассказывает о судьбе молодого француза, потерявшего на войне зрение. Таинственный доктор Прозоп заменяет ему глаза электроскопами – аппаратами, улавливающими электричество. Здесь детективно-фантастический сюжет имеет и символическое значение: слепота разума ведет к возникновению войн, жестокости, уничтожению цивилизации... Рассказ «Свидание» – это, скорее, мистический триллер с детективной фабулой, написанный в лучших традициях Эдгара По.

Содержание

Таинственные превращения	6
Глава I. Ночной прохожий	6
Глава II. Замужество, которое не всем нравится	9
Глава III. Господин Фейяр рассказывает все, что знает	21
Глава IV. Обри и его хозяева	29
Глава V. «Странность» Жильберты	37
Глава VI. Тревога графини	58
Глава VII. Тайна	66
Глава VIII. Альбом	74
Глава IX. Мадемуазель Ява	88
Глава X. В баре	96
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Морис Ренар Таинственные превращения. Тайна его глаз. Свидание

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление,
2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

*Мое самое большое желание – нравиться толпе.
Она одна живет и заставляет жить других.
Гёте. «Фауст»*

Таинственные превращения

Глава I. Ночной прохожий

Два часа ночи.

На маленькой улице в квартале Терне тихо и пустынно. Из-за угла в полосу света выплыла элегантная фигура джентльмена: цилиндр, белое кашне, черный макфарлан, лакированные ботинки, руки в перчатках, конец трости занесен над плечом. «Аристократ» зашагал решительно и бодро, направляясь, как видно, к себе домой.

Теневая зона за фонарем, по-видимому, не внушала ему никаких опасений: он вступил в нее совершенно уверенно. Временами красной точкой загоралась папироса, но лица его разглядеть было нельзя.

– Позвольте прикурить! – раздалась в темноте классическая фраза.

«Аристократ» остановился.

– Отчаливай! – довольно миролюбиво отрезал он.

Прохожий нахально настаивал:

– Эй, выворачивай карман, без разговоров!

За неимением револьвера, да, впрочем, не представляя себе наперед, что из этого выйдет, джентльмен направил прямо в глаза мошеннику резкий свет карманного фонаря.

Тот вскрикнул от неожиданности.

А сам он, едва успев откинуться назад, чтобы не дать противнику размахнуться и сбросить на землю фонарь, быстро проговорил:

– Постой! Не делай глупостей! Спрячь нож, черт возьми!

Он повернул фонарь и осветил свое собственное лицо.

Мошенник с проклятием отшатнулся.

– Ага, голубчик, узнаёшь!..

Но «голубчик», не говоря ни слова, бросился бежать. Он мчался с необыкновенной быстротой, почти бесшумно касаясь земли своими парусиновыми башмаками.

«Аристократ» погнался за ним; он тоже бежал с удивительной легкостью и кричал ему вслед вполголоса (если так можно выразиться):

– Постой! Постой же! Я никому не скажу! Клянусь! Остановись, черт возьми!.. Мне нужно с тобой поговорить!

Но апаш, не слушая его, бежал во всю прыть своих ног, движимый, очевидно, одним только желанием – как бы не попасться в руки...

Ему это удалось. Расстояние между ними становилось все больше, и «аристократ» уже отказался от бессмысленной погони.

– Это уж слишком! – прошептал он, вытирая пот с лица. – Погоди же, я разыщу тебя! Не так уж это трудно, черт возьми! Во что бы то ни стало нужно вмешаться в это дело! Я тебя вылечу!

Он повернулся и пошел в другую сторону; изумление не сходило с его лица, он чему-то улыбался и говорил вслух:

– Кто бы мог предположить такую странную вещь, черт возьми! Такую чудовищную вещь!.. Очутиться лицом к лицу с... Бандит! Нет, это ужасно! Я положу этому конец!.. Скажут, пожалуй, что я глуп; но, право же, это на меня произвело впечатление... Ну, голубчик мой, с завтрашнего дня...

Он пошел быстрее – было уже очень поздно, – и голос его потонул в тишине ночи.

Глава II. Замужество, которое не всем нравится

Элизабет, графиня де Праз, сидела у своего письменного столика в стиле ампир и просматривала бюллетени денежных курсов. Мягко прозвенел звонок. Графиня сняла трубку с домашнего телефона.

С этого, собственно, момента и начинается наш рассказ.

* * *

– Это вы, тетя? – зазвучал в трубке молодой, свежий голосок.

– Да, дорогая детка. Часы пробили восемь утра.

– Вы хорошо спали, тетя? Уже за работой?.. Можно с вами поговорить?

Молодая девушка сыпала слова с таким воодушевлением, что графиня почти слышала, как звонко раздается ее голос в комнате наверху.

– Поговорить со мной? – спросила мадам де Праз. – Ты хочешь, чтобы я поднялась к тебе?

– О, что вы, тетя! А вежливость на что? Я сама сейчас спущусь к вам!

Графиня де Праз озабоченно повесила трубку.

Это была маленькая высохшая женщина в черном платье, с поблекшими глазами, на которые Создатель как будто пожалел краски. Ее тусклые белокурые волосы уже седели под напором пятого десятка и были зачесаны по моде ее юности. В профиле ее недоставало четкости. Самые верные портреты графини казались незаконченными, настолько в лице ее трудно было найти какое-нибудь определенное выражение.

Она облокотилась на крышку стола и задумалась. Ее бледные губы побелели еще сильнее от какой-то внутренней тревоги.

Вдруг за портьерой послышался шум; что-то глухо и стремительно скатилось сверху. Распахнулась дверь, и в комнату ворвалось чрезвычайно оживленное юное существо. На ногах девушки были шелковые домашние туфельки, и вся она была закутана в какой-то воздушный капот, напоминающий розовое облачко, и очаровательное дезабилье, пожалуй, слишком дамское для такого сияющего молодостью создания.

– Здравствуй, тетя, милая! – шумно налетела на нее девушка.

Она обхватила шею графини руками и, звучно целуя ее в увядшие щеки, чуть не задушила в своих объятиях тщедушную тетку.

– Что ты делаешь! Растрепала меня всю! – журила ее мадам де Праз.

– Пустяки, тетя! Это неважно!

Жильберта Лаваль склонила свою головку в каштановых кудрях на плечо тетки. Ее лицо сияло от радости. Рядом с этим личиком лицо мадам де Праз было олицетворением уныния.

– Тетя! – взывала Жильберта. – Тетя! Тетя!

– Что такое? Ах, да перестань ты меня тормошить! Что с тобой случилось?

– Я счастлива, тетя! Я так счастлива!

– Да оставь же меня, чертенок!

– Нет!.. Не гляди на меня... Не гляди!

Пурпурные губки приблизились к бесцветному уху графини, и Жильберта вдруг прокричала в него зычным голосом:

– Я собираюсь выйти замуж! Вы дадите согласие, да?

Что это? Тетка как будто вздрогнула? Мадам де Праз задержала щеку девушки у своей щеки.

– Замуж? За кого?

На этот раз ей ответили шепотом:

– За Жана Морейля.

– Кто это? Я его не знаю.

– Знаете, тетя, знаете! Жан Морейль. Его вам представили у Пойяк... Тетя, что с вами?

Женщин вдруг разделила пропасть. У мадам де Праз было испуганное лицо. Жильберта глядела на нее смущенная, сбитая с толку.

– Ничего, детка... я взволнована, это вполне естествен-

но...

Но Жильберта внезапно почувствовала холодок. Мадам де Праз сейчас же поняла это, подошла к племяннице и взяла ее за руку.

– Видишь ли, Жильберта, я люблю тебя так же, как если бы была твоей матерью... Я очень боюсь, не слишком ли ты легкомысленно решилась на такой шаг. Тебе только что исполнилось восемнадцать лет; ты еще совершенно не знаешь жизни. Уверена ли ты, что будешь счастлива с господином Морейлем?

Жильберта изменилась в лице, нахмурила брови. Заметив это, графиня ласково привлекла ее к себе и погладила по кудрявой мальчишеской головке.

– Ну, ладно, – сказала она. – Дай мне время познакомиться с этим молодым человеком, собрать о нем необходимые справки, и если он такой, как ты думаешь...

– О, за это я спокойна!

– Ну ступай одевайся, детка! Мы еще поговорим о твоих планах... Ты не поцелуешь меня, Жильберта?..

Заметно раздосадованная, девушка вяло коснулась губами лба графини и вышла из комнаты гораздо менее бойко, чем вошла.

* * *

Оставшись одна, графиня де Праз уже не сдерживала

больше своей душевной тревоги, которая отразилась в ее мутных глазах. Несколько минут шагала она по комнате, сложив руки за спиной.

Царила тишина. Погруженная в свои горькие размышления, графиня машинально двигалась среди суровой обстановки своего кабинета, который служил этой деловой женщине чем-то вроде рабочей комнаты. Главным украшением его был внушительный нестораемый шкаф. Оригинальность этой комнаты заключалась в том, что все стенные ее украшения состояли из военных трофеев дикарей. Здесь были африканские щиты из кожи и древесной коры, копья, стрелы и ассегаи.

Графиня бросила на это варварское снаряжение задумчивый взгляд. Какие-то неприятные воспоминания заставили ее нахмуриться. Внезапно остановившись посреди комнаты, она сначала безнадежно махнула рукой, а потом, видимо, на что-то решилась.

– Посмотрим! – прошептала она.

Нажав кнопку, на которой было обозначено «граф», она сняла трубку.

– Алло! Лионель!..

Мадам де Праз говорила тихо, стараясь заглушить свой голос и прикрывая рукой отверстие трубки.

– Лионель!

Ей наконец ответили каким-то нечленораздельным ворчанием.

- Алло! Лионель...
- А? Что? Мама?
- Ты еще спишь?
- Вернее, еще не проснулся.
- Поздно вернулся?
- Не знаю, когда...
- Хорошо. Подожди меня.

Мадам де Праз осторожно отворила дверь, на цыпочках прошла через вестибюль и тихонько поднялась на верхний этаж.

* * *

Беспорядок в комнате сына свидетельствовал о его буйном возвращении. Фрак валялся на полу, цилиндр был напаян на часы, помятый белый жилет покоился на стуле в соседстве с лакированными ботинками, повсюду были разбросаны предметы, уличающие ночного гуляку.

– Боже мой! Мама! – воскликнул молодой человек, вскакивая с постели. – Я опять заснул.

Взглянув на эти вещи, слишком явно говорящие о беспутно проведенной ночи, мадам де Праз спросила:

- Лионель, сколько тебе лет?
- Двадцать три, – ответил он с лукавой улыбкой.
- Бездельник!

Однако она поцеловала его с нескрываемым восхищени-

ем.

Она уселась на край постели и погрузила свой тусклый взгляд в бегающие глаза сына.

– Что с вами? – спросил он. – Чем вы так озабочены? Что-нибудь новое?.. Вы бледны, маман.

– Лионель, что я говорила тебе четыре года тому назад, когда умер твой дядя?

– Вы сказали, что были бы очень счастливы, если бы я женился на Жильберте, и что я должен ей понравиться... Вы об этом?

– Да. Это моя мечта. Ну и чего ты добился?

– Я...

Лионель умолк и опустил вниз злые глаза.

– Я тебе отвечу сама, – сказала мадам де Праз сердито. – Вот чего ты добился: Жильберта втюрилась в какого-то Жана Морейля и хочет за него выйти замуж.

Лицо Лионеля сразу подурнело, как будто по волшебству, и он не сдержал проклятия.

– Она сама вам сказала? – спросил он.

– Только что.

– Что вы ей ответили?

– Ничего определенного. Она свободна!

– Свободна? Я надеюсь, вы заявите свои права! Покажете свою власть...

– Какие права? Какую власть? Подумай, милый мальчик! Жильберта – полная хозяйка. Я всего только ее домоправи-

тельница. Мы здесь в ее доме! Чего я добьюсь, если без всякого основания воспротивлюсь воле моей племянницы? Вооружившись кодексом законов, она живо от меня избавится и потребует у меня отчета, который... Твои карточные долги, Лионель... Ты хорошо знаешь, что...

– Стой! Я понял. Хорошо, хорошо!

– Я всегда лелеяла мысль, – продолжала графиня, которая, казалось, уже близка была к слезам, – что ты женишься на ней и в качестве мужа изменишь наше положение и вознаградишь меня за мои страдания...

– Да-да, знаю, – нетерпеливо прервал ее Лионель. – Но еще не все погибло, подожди! Я вел себя глупо, признаюсь. Я давно должен был постараться ей понравиться. Может быть, еще не поздно... Будет не поздно, если вы найдете вескую причину устранить этого Морейля. И тогда... я заглажу мое невнимание к ней... На наше несчастье попался нам этот Морейль! Это замечательный субъект, редкий образчик добродетели.

– Разве ты с ним знаком?

– Настолько, насколько такой человек, как я, может быть знаком с таким человеком, как он.

– Объясни.

– Это человек серьезный, усидчивый, художник-дилетант. Его нельзя встретить ни в барах, ни на дансингах, – с кривой усмешкой сознался Лионель. – А я...

– Он богат?

– Очень. Особняк на авеню дю Буа. Лошади. Автомобиль «роллс-ройс». Ни одного порока. Ни дамы сердца, ни вообще какой-нибудь дамы. Одним словом – безупречен!

Мадам де Праз грустно и недоверчиво прервала его.

– Можно навести справки, – сказала она. – Разве существуют на свете безупречные люди!

– Bravo, маман. То, что вы сказали, совсем не глупо! Мы ничего не потеряем, если это проделаем. Если же мы потерпим в этом неудачу, мы придумаем другую комбинацию. И деньги Лавалей не уйдут из наших рук!

– Только деньги? А кухня? Ведь она очаровательна!

– Подумаешь!

– Мне хотелось бы тебя видеть и богатым и счастливым, мой мальчик!

– Богатым – значит, уже счастливым! Ладно! Я с сегодняшнего же дня поведу за Жаном Морейлем самое бдительное наблюдение. Мы, по крайней мере, узнаем, действительно ли он такая редкостная птица!

И цинично добавил:

– В общем, если бы в прошлом году болезнь Жильберты приняла другой оборот, мы теперь не оказались бы в таком критическом положении. Если не ошибаюсь, наследство перешло бы к вам...

Мать пристально на него поглядела. В бледных глазах ее мелькнул испуг.

– Успокойся! Я не способен тронуть даже муху! – вос-

кликнул он. — Но если обстоятельства складываются благоприятно, если вмешивается рок, что же — тогда приходится выбирать...

— Значит, ты ее совсем не любишь?

Он отрицательно мотнул головой. Мадам де Праз вздохнула и задумалась.

— А ведь она очень привлекательна! И клянусь тебе, мне бы хотелось сделать ее счастливой!

— Выдайте ее за Жана Морейля!

— Не шути! Ты знаешь, что ты один для меня существуешь, мой мальчик! С тех пор как ты родился, ты один существуешь!

— А папа?

— Никогда я не любила его так, как тебя.

— А... дядя?

— Я вышла бы за него только для того, чтобы сделать тебя богатым.

— Вы молодец, маман! Итак, сейчас же разыщу нашего бывшего управляющего Обри и разработаю с ним план наблюдения. Как вы к этому относитесь?

— Чудесно придумано! Это преданный слуга.

— Он привратник дома номер сорок семь на улице Турнон. И мне кажется, что он очень недолюбливал Жильберту...

— Еще бы! Ведь это она настояла на том, чтобы я отказала ему!

— Замечательно!

В эту минуту молодое звонкое меццо-сопрано огласило весь особняк: это Жильберта напевала для своего собственного удовольствия бравурную песенку.

— Она еще в своей комнате, — заметила мадам де Праз. — Тем лучше. Я не хочу, чтобы она узнала о моем разговоре с тобой.

Графиня скользнула вниз по лестнице черной обманчивой тенью и заперлась в своем кабинете.

* * *

Все еще думая о событиях, грозивших провалить все ее надежды, Элизабет, графиня де Праз, вынула из-за корсажа маленький ключик, с которым никогда не расставалась, и стала отпирать несгораемый шкаф.

Четыре секретных замка щелкнули один за другим. Тяжелая дверца повернулась на петлях.

Показались виньетки всевозможных ценных бумаг, заполнявших сверху донизу железный шкаф. Мадам де Праз вынула несколько пачек, прикосновение к которым, по-видимому, доставляло ей величайшее наслаждение, и собиралась было засунуть руку в темную глубину шкафа, как вдруг голос наверху оборвался и умолк.

Графиня поспешно положила все на место: засунула разрозненные пачки ценностей в глубину, прикрыла их другими, захлопнула стальную дверь, защелкнула замки и снова

спрятала ключ на своей чахлой груди.

Глава III. Господин Фейяр рассказывает все, что знает

В семь часов вечера Жан Морейль, предварительно условившись по телефону, позвонил у дверей своего друга, нотариуса Фейяра, самого «светского» нотариуса в Париже. В этот вечер Жан Морейль и Фейяр должны были присутствовать на первом представлении лирической драмы. Они условились вместе пообедать в одном из кабаре, так как Жану Морейлю необходимо было побеседовать с джентльменом нотариусом.

Тот ожидал его во всеоружии. На обоих друзьях были одинаковые костюмы, уравнивавшие чиновника с денди: черный макфарлан, шелковый цилиндр, белый фуляр на шее и почти одинаковые трости. Однако между банальным шиком должностного лица и изящной манерой Жана Морейля была целая пропасть.

— Ага! Явился наконец, красавчик!

Жан Морейль шутливо от него отмахнулся. Фейяр продолжал:

— Ладно, ладно, сказочный принц! Ты, каналья, сам знаешь, что хорош! Поглядите-ка на этого Антиноя! Ну-ка, походи немного, покажись! Откуда, черт возьми, у тебя эта гибкость? Нет? Не хочешь мне доставить удовольствия? Ну, тогда расскажи, зачем пришел ко мне. Я уверен, что только де-

ло могло заставить тебя ко мне явиться... Что же это? Покупка бумаг? Недвижимости? Говори. Выйдем... Ты расскажешь по дороге.

– Вот что, – начал Жан Морейль. – Со мной удивительнейшая история...

– Женишься?..

– Ты угадал.

– На ком?

– На мадемуазели Лаваль, дочери исследователя Африки. Ты смеешься?

Они уселись в экипаж, и Фейяр объяснил:

– Я смеюсь по двум причинам, старина. Прежде всего, я доволен, очень доволен твоим выбором. Жильберта Лаваль – восхитительная девушка, о ней говорят очень много хорошего... очень избалована, само собой разумеется, но, несмотря на это, по всеобщим отзывам, у нее прекрасный, твердый и прямой характер.

– Вот не ожидал, что ты так осведомлен!..

– Тебе, видишь ли, повезло, как всегда: я – их нотариус. Но я улыбнулся главным образом из-за тетушки, мадам де Праз, и ее сына!

– А в чем дело?

– Как! Ты не понимаешь? Ведь ты же разбиваешь их тайные мечты!..

– Должен тебе признаться, – заявил порывисто Морейль, – что я почти ничего не знаю о семье Лавалей и что...

Нотариус вперил в него насмешливый, недоверчивый взгляд. Жан Морейль, опустив глаза, рассеянно играл перчаткой.

– Да что ты, право? – воскликнул Фейяр. – Насмехаешься надо мной, что ли? С тобой никогда не знаешь...

– Уверяю тебя... И если бы ты мог...

– Ты не шутишь?

На него глядели голубые умные, полные энергии глаза.

– Если ты можешь что-нибудь мне рассказать о семьях Лавалей и Празов, – сказал Жан Морейль, – прошу тебя, сделай это... Я люблю мадемуазель Лаваль и на ней женюсь, но до сих пор несколько не интересовался намерениями мадам де Праз и ее сына. Правда, я видел мадам де Праз, но только мельком; а что касается Лионеля де Праза, то я иногда с ним встречаюсь и совершенно к нему равнодушен... не симпатизирую, это будет вернее. Уверяю тебя, что не пришел к тебе затем, чтобы о них расспрашивать. Посвяти меня только в таинство брачного контракта...

– Хорошо, – ответил нотариус. – Прости меня за мои сомнения. Но мне так странно, что ты пускаешься в такое дело вслепую... Наша задача, видишь ли, не соединять любящие сердца, а сводить семьи, которые уверены, что подходят друг другу. Вот почему ты так удивляешь меня. Кроме того, дорогой мой, я никогда в жизни не привыкну к этому твоему настроению, которое на тебя временами находит...

– Настроение? Какое такое настроение?

– Ты вдруг, ни с того ни с сего, так глубоко задумываешься, уходишь в свою скорлупу, как сейчас, и делаешься таким рассеянным, что невольно задаешь себе вопрос: «Знает ли он, по крайней мере, о чем с ним говорят?»

Жан Морейль расхохотался:

– Я занят важным делом! У меня из головы не выходит одна задача...

Фейяр внимательно на него посмотрел.

– Странное существо! – сказал он наконец. – Я умру, не поняв тебя, о поэт! о философ! о артист! о загадочная личность!

– Я тебя слушаю, – сказал Жан Морейль. – Ну, приступай: «Жили-были...»

– Жили-были две сестры Осмон. Старшая, Элизабет, вышла замуж за графа де Праз, бедного офицера. Вторая, гораздо более молодая, по имени Жанна, была избранницей выдающегося и довольно богатого человека, Гюи Лавалья, исследователя Центральной Африки. Лет через десять после замужества старшей муж ее, капитан де Праз, умер почетной смертью, что для человека военного означает: умер на поле битвы. Он оставил сына Лионеля... Ты меня слушаешь, Жан, да?

– Конечно, слушаю.

– Но вид у тебя такой, точно ты на луне... Продолжаю. И вот, мадам де Праз осталась бедной вдовой. Но ее сестра, мадам Лаваль, красавица мадам Лаваль, имела многомилли-

онное состояние, жила в Нейли, в одной из лучших вилл, и проводила каждое лето в прекрасной усадьбе Люверси, в долине Шеврез. Все эти богатства достались ей от отца Лавалья, промышленника, и Жанна, с согласия мужа, предложила своей сестре, мадам де Праз, поселиться у них вместе с сыном. Это предложение было принято с восторгом. Надо тебе сказать, что Лавали были удивительнейшими людьми. Жалко, что судьба похитила у тебя их любовь! Они обожали свою дочь, тогда еще маленькую милую резвушку. Но Гюи Лаваль следовал своему непреодолимому призванию. Оно было сильнее любви, сильнее отеческой привязанности. Его пожирала страсть к путешествиям, к опасности далеких экспедиций. Он был в разъездах шесть месяцев в году. Сам понимаешь, что в подобных условиях он с радостью ухватился за мысль, что графиня с сыном будет жить с ними вместе, и думал, что жене будет очень покойно в обществе старшей сестры. В скобках скажу тебе, что это доброе дело вскоре оказалось выгодным делом, так как мадам де Праз была настолько же экономной хозяйкой, насколько мадам Лаваль – пленительная женщина – была расточительной и не признавала порядка, и очень скоро сделалась полновластной госпожой в буфетной, кухне и погребе. Так шли дела... Ты меня слушаешь? Ты уверен, что меня слушаешь?..

Так, говорю я, шли дела до самой смерти мадам Лаваль. Это было, насколько я помню, лет пять тому назад. Она умерла в Люверси в то время, когда господин Лаваль нахо-

дился дома, и по его вине. Это настоящая трагедия.

За несколько дней до этого господин Лаваль вернулся из глубины Африки и среди множества редкостей привез с собой несколько змей, которых собирался отдать в зоологический сад...

– Ах, помню, слышал об этом! – сказал Жан Морейль. – Об этом писали в газетах. Одна из змей убежала, да? Она укусила мадам Лаваль во время сна?

– Да, так оно и было. Гюи Лаваль был убит горем. Боялись за его рассудок; надо сказать, что мадам де Праз ухаживала за ним с большим самоотвержением, несмотря на то что ее собственное горе было очень глубоко.

Но Гюи Лаваль был безутешен. Он считал себя виновником несчастья, и это сознание его мучительно преследовало. Как только он в состоянии был уехать, он подготовил новую экспедицию в Верхний Нигер. Те, кто посещал его в это время, вынесли впечатление, что он больше не вернется. Но помешать ему ехать было невозможно. Через шесть месяцев он уехал и действительно больше не вернулся.

Перед отъездом из Франции он оставил у меня завещание, по которому в случае его смерти он вверял свое дорогое дитя в руки мадам де Праз, и в таких выражениях, что не было никакого сомнения в том конце, который он себе готовил. Он погиб в стычке с отрядом дикарей во время отчаянно смелой разведки, в которой он отказался от всякого конвоя. Его тело было все исколото стрелами и ужасно искалечено.

Это известие повергло весь замок в глубокое отчаяние. По этому поводу говорили, что мадам де Праз не могла скрыть своего горького разочарования. Она старалась всеми силами удержать господина Лаваль во Франции. Несомненно, что со смертью сестры перед ней открылись широкие возможности. Ясно было, что довольно скоро, перестав оплакивать сестру, она будет стремиться сделаться второй мадам Лаваль. А так как мадам де Праз не создана для любви, то злые языки говорили, что ей просто не хотелось выпустить из рук миллионы ученого. Совершенно очевидно, что эти миллионы ей нужны были не для себя, а для сына. Ибо эта скромная женщина – страстно любящая мать. Лионелю было тогда семнадцать или восемнадцать лет. Жильберте Лаваль лет тринадцать. Ясно, что мадам де Праз лелеяла мечту женить сына на племяннице. Но, так как тысячи обстоятельств могли помешать осуществлению ее планов, она стремилась, выйдя замуж за Лаваль, осторожно закрепить за собой часть его состояния. Эта мечта тоже рушилась вместе со смертью Лаваль, и у мадам де Праз оставался единственный шанс: обвенчать Лионеля с Жильбертой. И вот, представь себе: теперь на ней женишься ты! Сам посуди... Да ты что же, спишь, Морейль, что ли? О чем ты думаешь?

Молодой человек заморгал глазами, словно бы очнувшись от сна.

– Я думаю, – сказал он, – о маленькой итальянской лампе, которую видел сегодня на выставке у антиквара. Маленькая

бронзовая лампа с золотой подставкой, изображающей змею медянку. Мне хочется включить ее в мою коллекцию... Мне кажется, я ее куплю...

Фейяр был так изумлен, что сразу не ответил. Эта беспечность ошеломила его. Он рассердился.

– К черту! – вскрикнул он, краснея. – Стоило мне так распинаться! Не знаю, как мне тебя изругать! Оригиналы! Вот тебе: ты оригиналы! Запомни!

– Фантазер, скорее! – с веселой улыбкой поправил его Морейль.

– Слушай, – посоветовал нотариус спустя минуту, – остерегайся графини! Поверь мне, старина! Нет, мерси, я не курю перед обедом...

Жан Морейль закурил папиросу и, выпустив дым колечком, попросил:

– Ну объясни же, что такое брачный контракт...

Экипаж остановился. Они вошли в кабаре.

Глава IV. Обри и его хозяйева

Когда Жильберта сообщила тетке, что собирается пригласить к себе Жана Морейля, мадам де Праз ей не противоречила из осторожности. Помимо того что в ее привычки уже вошло ни в чем не отказывать племяннице, — это была традиция, которую она не желала нарушать, — она была рада тому, что обстоятельства позволяли ей поближе разглядеть этого неприятного претендента на руку Жильберты.

* * *

Жан Морейль был принят у мадемуазели Лаваль на правах близкого друга. Лионель воспользовался этим, чтобы, насколько позволяла ему вежливая холодность жениха Жильберты, установить с ним более тесное знакомство. Он старался бывать там, где бывал Морейль: на гольфе, теннисе, в фехтовальном зале. Но через несколько дней подобного рода слежка показалась ему если не смешной, то совершенно бесполезной, и он решил отказаться от нее, тем более что бывший метрдотель Обри следил за ним неустанно и не заметил ничего подозрительного в поведении молодого человека.

Лионель сообщил графине о своем решении. Но неожиданно он встретил в ней резкий отпор, тем более непонят-

ный, что для этого не было никакой видимой причины.

– Я совсем недолго наблюдаю за Морейлем, – сказала она, – и уже составила себе о нем мнение. Я чувствую, я уверена, что он от нас что-то скрывает. Его задумчивость, его озабоченность что-нибудь да значат. В его жизни есть какая-то тайна...

– Какая же? – с раздражением воскликнул Лионель. – Говорите яснее, черт возьми!.. Ведь я...

– Мы узнаем какая, будь спокоен, – сказала мать. – В настоящий момент у меня всего только такое впечатление. Но мои впечатления меня редко обманывают.

Это была правда. Лионель часто преклонялся перед проницательностью матери.

– Я знаю, – сказал он, – у вас есть чутье. Боюсь только, что вы теперь свои желания принимаете за предчувствия. Черт возьми! Мне хочется, чтобы Жильберта стала моей женой, ведь у этой девчонки туго набитая мошна!

– Надо, чтобы ты на ней женился! – сказала мадам де Праз.

Лионель поглядел на нее довольно непочтительно.

– Да что с вами такое? «Надо, надо!»... Надо было бы, да! Но раз мы не можем убедить Жильберту в том, что Жан Морейль ее недостойн, нам придется придумать что-нибудь другое для того, чтобы она не вышла ни за него, ни за кого-нибудь другого! Я придумаю, будьте покойны!

– Нет! Нет! Это глупо! – воскликнула графиня.

– Честное слово! Вы меня смутили. Неужели я вас пугаю? Ведь я ничего не сказал!..

– Боже! Лионель, что ты такое подумал? Нет, нет! Я тебя ни в чем не подозреваю, дитя мое!

– Неправда!.. Я видел испуг в ваших глазах.

– Нет! Нет! Нет! Не верь этому, мой мальчик!

Она бросилась обнимать его, умоляя о прощении. Но он не менял своего каменного лица и не спускал с нее жесткого взгляда.

Она обвила руками шею сына и подняла на него полные любви бесцветные глаза.

– Не надо сердиться! – сказала она. – Тебе ничего не надо придумывать, мой мальчик! Уверю тебя... Слышишь, уверю тебя, что у Морейля что-то есть, что-то, что он от нас скрывает! А раз он что-то скрывает, то это скверно для него и превосходно для тебя!..

Чувствуя, что он сдастся, она нежно и настойчиво продолжала:

– Хочешь, я тебе помогу? Да? Не правда ли? Я сама поведу с Обри и разберу хорошенько, в чем там дело...

– Как хотите! – промычал Лионель.

* * *

В тот же вечер возле дома № 47 на улице Турнон остановился автомобиль. Из него вышли графиня де Праз с сыном.

Оба вошли в квартиру привратника.

Обри уже поджидал их. Он кланялся не переставая.

Отвратительная физиономия. Седоватый человечек с лживыми глазками. Голова, втянутая в плечи. Длинные руки гориллы. Вкрадчивая походка... Благодаря своей профессии Обри сохранил умение делаться незаметным, стушевываться, бесшумно двигаться и действовать втихомолку.

Метрдотель никогда не должен привлекать к себе внимания. Он должен как-то витать над столом, за которым прислуживает, мягко прикасаться к серебру, стараясь заглушить его звон, передвигать посуду, не издавая бряцания. Это – человек-невидимка. Самые опытные из них добиваются того, что создают впечатление, будто все делается само собой, по какому-то волшебству, каким-то призраком, который, разливая вино, шепчет вам на ухо: «Барзак», «Шамбертен», «Амонтильядо».

Таков был и Обри, который, несмотря на столь редкие таланты, не сумел скрыть от Жильберты Лаваль своего обезьяньего уродства, состоявшего не столько из физических недостатков, сколько из морального убожества. Ничто так не выводило из себя Жильберту, как вечная двусмысленная улыбка, кривившая бритые губы этого изворотливого и коварного антропоида. Вот почему она упростила тетку освободиться от него. Этого и не мог простить ей Обри.

Мадам де Праз, устроившая его привратником одного из домов, принадлежавших племяннице, время от времени до-

веряла ему различные поручения. Он выполнял их ловко, вкрадчиво, как услужливая тень.

* * *

– Дорогой Обри, – начала мадам де Праз, – дела не продвигаются. Скажите, что вы успели сделать до сих пор? Садитесь, Обри, садитесь!

– Графиня очень добры, – сказал он, усаживаясь с почти-тельной неловкостью. – В поведении господина Морейля нет ничего предосудительного. Господин граф велел за ним следить, я следил добросовестно.

– Беспрепятственно?

– Без малейшего препятствия. Большую часть времени этот господин витает в облаках. Во всяком случае, он никогда не сидит без дела; видно, что он работает, что голова его чем-то занята...

– Верно! – сказала мадам де Праз. – О чем же он думает?

Лионель авторитетно заявил:

– Вам хорошо известно, что Жан Морейль – ищущий, усидчивый художник...

Мадам де Праз остановила его досадливым жестом.

– Как у него распределено время, Обри?

– Господин Морейль встает очень рано. Отправляется верхом в Буа...

– Всегда в Буа? Вы уверены?

– Я в этом вполне уверен, – отрезал Лионель. – Я уже несколько раз ездил туда вместе с ним и обследовал это.

– Затем, – продолжал Обри, – господин Морейль возвращается домой и очень скоро после этого выходит снова и занимается разного вида спортом до завтрака, ради которого часто остается в клубе. Иногда у него утро бывает занято каким-нибудь деловым свиданием или прогулкой пешком. А потом он живет так, как сказал господин граф: посещает концерты, картинные галереи и музеи; сидит в библиотеке; заходит к антикварам и в магазины случайных вещей... Словом, ничего подозрительного.

Вначале меня беспокоили его прогулки в автомобиле. Но я познакомился с шофером господина Морейля. Господин Морейль говорит ему с вечера, куда они поедут на следующий день. Я нанимал то такси, то мотоциклет, – чтобы замести следы, – и являлся на место всегда раньше Морейля. И здесь, графиня, я тоже не нашел ничего такого...

– Куда же он ездит?

– Осматривать старинные памятники или исторические усадьбы в предместьях. Бывает у антикваров. Шофер довольно разговорчив. Я от него узнаю все, что хочу.

– Правду ли говорит этот человек?

– Очевидно, графиня: я много раз проверял его.

– Да?.. Ну а по вечерам, после обеда?

– Для парижанина его круга господин Морейль выезжает довольно редко. В театр, в концерт. Иногда в мюзик-холл.

Никогда не кутит. Кажется, раньше он бывал на Монмартре, как все молодые люди, но теперь туда не заглядывает.

– Следовательно, господин Жан Морейль по вечерам регулярно возвращается к себе домой и по временам довольно рано. Что он делает дома? Работает?

– Да, графиня.

Лионель, стоя к ним спиной и глядя в окно, пояснил:

– Он автор ценного труда «Женщины в произведениях Эжена Делакруа». Теперь он кончает большую книгу «Дендизм в Англии». Он сам денди или желает им быть, как д’Орсей или как д’Оревилли, он спортсмен и литератор. Когда же ему работать, как не ночью, маман?

– Вы уверены в этом, Обри?

– Ведь невозможно проникнуть в его дом, особенно ночью...

– Но... с чьей-нибудь помощью...

Обри хранил молчание и этим как бы говорил: «Это довольно опасно, графиня; можно скомпрометировать этим многих людей...»

– Да... – задумчиво проговорила мадам де Праз.

– Знаете что? – сказал Лионель. – Я слышал, что у Жана Морейля есть прозвище «Человек, который не спит». Мне говорили, что он всю ночь до самой зари просиживает за столом. Он почти не отдыхает. Один из его друзей, врач, обратил мое внимание на его глаза, в которых что-то особенное, характерное для бодрствующих по ночам людей.

Но мадам де Праз пробормотала сквозь зубы:

– В общем, наше наблюдение, – и твое, и ваше, и мое, – производимое с утра до вечера, но не с вечера до утра, не дало никаких результатов. И все-таки мой инстинкт мне подсказывает...

– Что подсказывает? – прервал Лионель с ворчливым нетерпением.

– Когда на меня глядят чьи-нибудь глаза, – продолжала мадам де Праз, – я всегда вижу, таится в глубине их какая-нибудь тайна или нет... Обри, Лионель, надо узнать, действительно ли Жан Морейль проводит свои ночи за работой...

– Это не совсем удобно, графиня.

– Прежде всего узнайте, не проходит ли кто-нибудь по ночам в этот дом и не выходит ли из него перед рассветом.

– Женщина? – насмешливо спросил Лионель.

– Черт его знает! – пожала плечами мадам де Праз.

– Очень возможно, – сказал Обри с самой пошлой улыбкой.

Глава V. «Странность» Жильберты

– Да нет же, дорогая Жильберта, я не нахожу ничего неприличного в том, что Жан Морейль пригласил тебя к себе, – говорила мадам де Праз. – В наше время покажется совершенно естественным то, что тебя просят посетить дом, который, может быть, будет твоим. Но так же естественно и то, что мне нужно пойти вместе с тобой. Надеюсь, это тебе не неприятно?

Жильберта, стараясь подавить свое недовольство, принужденно улыбнулась.

– Конечно, тетя, мне это не неприятно. Но как вы, однако, отстали от века!

И она отвернулась, когда мадам де Праз похлопала ее по щеке с выражением снисходительного негодования.

– Ах, Жильберта, как плохо я тебя воспитала!

В маленькой модной гостиной Жана Морейля был сервирован чай для обеих посетительниц. Жильберта, силясь совладать со своим настроением, проявляла чрезвычайную экспансивность и отчаянно злоупотребляла вульгарными выражениями. Она ходила взад и вперед, покачивая бедрами, и смешно подражала ленивой походке очаровательного уличного мальчишки.

Мадам де Праз сдерживалась, но была, несомненно, скандализована и, лакомясь пирожным, осматривала все кругом

будто бы равнодушным взглядом.

– У вас есть папиросы? – спросила Жильберта.

– Пожалуйста, – поспешно ответил Жан Морейль.

* * *

Он прошел в смежную курительную комнату, куда за ним последовала Жильберта, послав поднявшейся было тетке самую отчаянную и самую насмешливую гримасу.

– Что с вами? – нежно спросил Жан Морейль.

– Она меня изводит...

– Однако... – сказал он снисходительно.

– Поймите же, что она меня изводит! Изводит потому, что пришла сюда за мной по пятам. Пришла все обнюхать, все разглядеть... Я не могу от нее отвязаться. Меня тошнит от нее.

– Но, Жильберта, ведь она права. Поставьте себя на ее место... Дорогой мой друг, будьте же сами собой. Я вас гораздо больше люблю без этого жаргона!

Она взглянула на него, и ее опечаленные глаза внезапно наполнились слезами. Она схватила его за руки.

– Ах! – прошептала она. – Любите меня, Жан! Если вам это не нравится, я больше не буду. Скажите мне, вы любите меня, да? Никогда не разлюбите? Никогда?

Он посмотрел на нее серьезно и нежно, и она почувствовала, как растворяется ее сердце в волне счастья и радости.

Все, что минуту тому назад заставляло ее огрызаться и вставать на дыбы, все разом улеглось.

– Не думайте, Жан, что я не люблю тетку... Я к ней очень привязана...

– Правда ли?

– Правда! Правда!

– Нехорошо, что мы оставили ее одну. Я не имею права, как хозяин... А папиросу? Выбирайте.

– Мерси, не хочу... Вам ведь хочется, чтобы я не курила? Да, да, Жан? Скажите, что вам хочется! Мне так приятно доставить вам удовольствие!..

Он рассмеялся необыкновенно счастливым смехом, очаровавшим Жильберту.

– Да, это верно, я не люблю, когда вы курите.

– Какой вы милый! Какой милый!

– Я вас люблю, – сказал он совершенно серьезно и вместе с тем радостно.

Она хотела ответить, но в горле что-то задрожало.

– Пойдемте! – сказал он мягко.

* * *

Мадам де Праз, приложив руку к глазам, рассматривала прелестные картины на стенах гостиной.

– Хотите посмотреть остальные? – спросил Жан Морейль. – Мне хочется показать вам мое последнее приобре-

тение. Если вы любите Коро...

Их глазам открылась огромная коллекция бесценных полотен и красивейших скульптур. Жан Морейль принялся объяснять. Он обладал большой эрудицией и глубоким художественным вкусом. Мадам де Праз узнала об искусстве такие вещи, мысль о которых ей никогда не приходила в голову; для Жильберты, упоенной тонкостью его рассуждений и его знаниями, голос жениха звучал точно музыка.

– А что здесь, под стеклом? – спросила она.

– А, это мой личный музей, – сказал Жан Морейль. – У каждого своя мания.

– Ключи, старые ключи... – констатировала графиня.

– Старинные лампы... – пробормотала Жильберта.

– Да, совершенно верно, – ответил Морейль, как бы извиняясь. – Ключи и лампы. Я начал их коллекционировать с самого детства. Эти две вещи всегда притягивали меня. Странно, не правда ли?

– Символично, – заметила мадам де Праз. – Вы любите открывать, освещать?

– Возможно, – возразил он довольно небрежно.

– Мне кажется, – вставила Жильберта, – что за такое время должно бы накопиться гораздо больше ламп и ключей... Может быть, это уже вас теперь не интересует?

– Нет, интересует. Но, представьте, между мною и этими витринами есть маленькая тайна...

– Признавайтесь!

Мадам де Праз была олицетворением любезности и вежливости: она слушала по-светски внимательно.

– Ну вот, я покупаю лампу или ключ только при определенных обстоятельствах: или для того, чтобы поощрить себя, или чтобы вознаградить за что-нибудь. Лампы – поощряют, ключи – вознаграждают.

– Ничего не понимаю! Можно узнать... – смеясь, спросила Жильберта.

– На что мне поощрение? За что награды? Но это легко отгадать. Каждая из этих ламп и каждый ключ соответствуют какому-нибудь труду или изысканию... Ребячество, конечно. Не говорите никому, надо мной будут смеяться!

– Ах! Какая чудная лампа, зеленая, с желтой подставкой! Что за изящество!

– Итальянская работа. Золото с бронзой, – ответил Жан Морейль. – Она вам нравится? Возьмите ее. Доставьте мне удовольствие подарить ее вам.

Сконфуженная Жильберта взяла в руки лампу, подняла ее на свет, чтобы получше разглядеть, и поспешно поставила назад, на столик.

– Что с вами? – удивился Морейль. – Что с вами?

Бледная, не в силах совладать с собой, Жильберта стояла несколько секунд не шевелясь, прикрыв глаза рукой. В это время мадам де Праз, внимательно рассматривая лампу, говорила:

– Держу пари, что там змея!.. Да, так и есть!.. Подставка!

Подставка изображает змею!

– Как? Это золотое украшение?..

Но Жильберта, сияясь улыбнуться, уже сознавалась:

– Да... Простите меня... Это нелепо.

– Это с ней случается с самой смерти моей бедной сестры, – сказала мадам де Праз. – Вы, наверное, знаете...

Жан Морейль кивнул и взял руку Жильберты в свою.

К ней постепенно возвращалась краска.

– Подумайте, как это глупо! А?

– Нет, нет, это не глупо! О нет! – говорил вдумчиво Жан Морейль. – Очевидно, вы когда-то испытали глубокое потрясение.

– Да, – сказала мадам де Праз. – Ужас, которому нет слов. Но ведь с тех пор прошло пять лет, и Жильберте уже пора отделаться от этой странности... Поговорим о другом, хорошо? Для нее будет лучше. Я и сама не могу думать без дрожи об этой трагедии.

– Тетя, надо, чтобы он узнал! После мы не будем об этом больше разговаривать. Я хочу, чтобы он... понимаете... чтобы он знал решительно все о моей маме...

Она растянулась в кресле, все еще взволнованная, и приложила свой висок к руке мадам де Праз.

– Расскажите, тетя, расскажите ему.

Мадам де Праз не решалась, она боялась прошлого...

– Не противоречьте ей, графиня, – умолял Жан Морейль.

Она ответила с грустной торжественностью, не ускольз-

нувшей от слушателей:

– Мне придется воскресить ужасное воспоминание... Все это как будто вчера только произошло...

* * *

– Случилось это в Люверси в августе. Мы приехали туда в начале июля: моя сестра, Жильберта, я и Лионель...

– ...который тогда провалился на экзамене на бакалавра! – прервала ее Жильберта.

– ...Мой родственник Гюи Лаваль, несколько месяцев бывший в отъезде, известил нас, что вернется к десятому августа. Мы ждали дня его приезда как праздника и хотели все отправиться в Париж встречать его на вокзале. К несчастью, накануне этого необычайного дня моя сестра вдруг слегла. Простуда, которую она запустила, осложнилась бронхитом. Когда Гюи Лаваль прибыл в Люверси, он нашел свою жену вне опасности, правда, но серьезно больной...

– Тетя, не забудьте про змей...

– Да... Гюи Лаваль привез из Центральной Африки всевозможные редкости, из которых многие были живыми. Он привез весь свой багаж в Люверси и, не желая покинуть замок до выздоровления жены, он долее, чем это ему было желательно, продержал у себя десятка полтора змей, предназначавшихся для зоологического сада.

Среди этих рептилий была одна змея, черная, с белыми

пятнами, длиной в метр. Она представляла собой бесценную редкость, так как никто никогда не встречал этого вида змей, водившихся в самой глубине Африки. Гюи Лаваль бесконечно гордился своей находкой. В оранжерее, где временно приютили этих отвратительных животных, черная с белыми пятнами змея занимала отдельный ящик, спереди снабженный решеткой. Гюи Лаваль охотно показывал свой зверинец и, бесстрашно играя с огнем, любил демонстрировать ядовитые, острые и тонкие зубы змеи...

– Я помню это! – воскликнула Жильберта. – Я и Лионель непременно присутствовали при этом каждый раз. Папа употреблял для этого нечто вроде небольших вил, с помощью которых он делал змею неподвижной. И для того, чтобы показать механизм выделения яда, он надавливал на один из зубов. Тогда можно было видеть, как клык нажимал на похожий на нарыв ядовитый мешочек и ужасная жидкость стекала по зубу, как по трубочке...

– Таким образом твой отец обломал один из зубов этой змеи, – подхватила мадам де Праз. – После этого случая он ужасно сердился на самого себя и перестал демонстрировать своих чудовищ. Мы знали, с какой невероятной быстротой действует змеиный яд. Мы знали, что приобретение этой змеи стоило жизни негру, которого она укусила. Ученые должны были анализировать ее яд, как только змея поступит в их распоряжение. Вы увидите, как им пришлось разочароваться, на наше несчастье!

– Тетя, надо раньше объяснить устройство комнат...

– Да, комната моей сестры была расположена в нижнем этаже, впрочем, довольно высоко над землей. Рядом находился просторный будуар с дверью, выходившей в комнату Жильберты. Гюи Лаваль и Лионель жили наверху в первом этаже, где обычно была также и моя комната. Прислуга жила на самом верху, в мансардах.

Я целый день находилась возле сестры, а ночью спала на складной кровати, которую ставила в будуаре для того, чтобы явиться по первому зову больной. Но, считая, что я должна спать спокойно по ночам, так как оставалась при ней неотступно весь день, сестра требовала, чтобы дверь из ее комнаты в будуар была заперта. Вы лучше поймете, для чего она прибегала к этой предосторожности, если я скажу вам, что не проходило ни одной ночи, чтобы она не испытывала отчаянной жажды. Ей были запрещены прохладительные напитки; она обычно звонила горничной, которая поспешно спускалась вниз и подавала ей горячую настойку. Вот для того, чтобы я не просыпалась от шума шагов горничной, она и требовала, чтобы дверь оставалась закрытой. На самом же деле я и во сне прислушивалась к малейшему шуму рядом и каждую ночь слышала, как сверху спускается девушка и проходит к сестре.

Однажды вечером – это было девятнадцатого августа – температура у сестры Жанны поднялась выше обыкновенного. Было очень жарко, очень душно, и ухудшение в ее состо-

янии можно было объяснить погодой. Я не обеспокоилась этим и, как всегда, ушла к себе, предварительно отворив у сестры окно под закрытой ставней, так как она жаловалась на отсутствие воздуха. Врач разрешал такого рода проветривание. На всякий случай я велела горничной закрыть это окно, когда она принесет настойку. Мари – так звали горничную – ушла в одно время со мной. Но в будуаре я нашла Жильберту... в одном белье...

– Я не могла уснуть в ту ночь, – сказала Жильберта, – и мне непременно хотелось еще раз поцеловать мамочку. О, я не забуду этого последнего поцелуя!.. Бедная мама! Я долго, долго обнимала ее! Когда я вошла в будуар, тетя уже легла... Продолжайте, тетя...

– Эта девочка была необычайно возбуждена, – продолжала мадам де Праз, – она попросила у меня разрешения спать со мной, я взяла ее к себе в постель и очень скоро заснула.

– А я, – прервала Жильберта, – не могла уснуть... Постель была узка, и было так душно, или, может быть, у меня было предчувствие... Я не смела шевельнуться, чтобы не стеснить вас, тетя... И всю ночь до рассвета лежала с открытыми глазами. Под маминой дверью была светлая полоса от ночника. И я ничего не слышала.

– А я спала очень крепко! – сказала мадам де Праз. – Между тем при первых лучах солнца я вскочила с постели с неотступной мыслью: «Мари не приходила. Неужели Жанна не позвала ее? Ей лучше? Или хуже?..»

Сестра была мертва. Тело казалось мраморным от покрывавших его пятен.

Я позвала шурина. Он стоял как безумный перед очевидностью катастрофы и сразу даже не понял ее причины. Единственное существо, которое на его глазах умерло от молниеносного укуса змеи, был чернокожий... Вы понимаете, не правда ли, мне не нужно объяснять?.

Только через два часа стало известно, что исчезла змея. Ящик ее был пуст. Она проскользнула через щель в ящике, которая оказалась шире, чем думали. Помещение для нее было сделано наскоро! А Гюи Лаваль был совершенно непредусмотрителен.

Известие об этом исчезновении внушило ему ужасное подозрение. Он внимательно осмотрел руки и ноги бедной Жанны. Тогда только он разглядел на левой кисти почти незаметный укол, обнаруживающий укус змеи.

Можно было подумать, что змея жестоко отомстила за те пытки, которым подвергал ее шурина.

Я вам не стану описывать ни слез, ни ледящего ужаса, которые вызывала в нас мысль об этой скрывшейся змее, убежища которой никто не мог обнаружить. Где же могла быть эта змея? В парке? В замке?.. Само собой разумеется, что ее начали искать прежде всего в комнате сестры. Ее там не нашли. Но легко было проследить, как она вошла и вышла. Для того чтобы войти, она воспользовалась...

– Окном? – спросил Жан Морейль. – Приоткрытым ок-

ном?

– Да, – сказала Жильберта, – окном или, вернее, ставнями, сплошными, наглухо закрытыми железными ставнями, в каждой из которых вырезано маленькое отверстие в виде сердечка. Очевидно, змея вошла через одно из этих «сердечек». Благодаря ночнику они были видны в темноте. Ее привлекли эти светлые пятна, и она проскользнула в одно из них.

– Но каким образом? На стене были шероховатости?

– К несчастью, это было легко, – объяснила мадам де Праз. – Стены замка обвиты столетним плющом. Стебли его толщиной с древесный ствол. Толстые ветви обрамляют окна; одна из таких ветвей находилась на расстоянии четверти метра от «сердечка». Змея могла обвиться частью туловища вокруг ветки и просунуть голову в отверстие...

– Ну а чтобы спуститься в комнату?..

– Скользнуть по ставне вниз, опереться о шпингалет окна, который я как раз закрыла перед сном, чтобы не скрипела рама; потом скользнуть на какой-нибудь соседний стул, с него на ковер и подползти к белой руке, которая, допустим, свесилась с постели...

– Да, – согласился Жан Морейль, – все это вполне логично. Но не было ли других отверстий, через которые змея могла бы проскользнуть?

– Никаких! – подтвердила Жильберта.

– Вентилятор?

– Нет!

– Какая-нибудь отдушина?

– Да, была, но с очень частой решеткой.

– Камин?

– Он был закрыт сверху донизу металлическим щитом.

– Крысиная нора где-нибудь?

– Нет, нет!

– А двери?

– Мама не была трусихой, – сказала Жильберта, – но, любя жить в нижней комнате, она в то же время желала чувствовать себя в безопасности; обе ее двери (одна наверх, другая в будуар) были снабжены задвижками. Конечно, дверь в будуар с тех пор, как я ночевала внизу, оставалась свободной. Между моей и маминой комнатой был только будуар. Ну а дверь наверх, которая тоже находилась недалеко от постели, была всегда на задвижке. Возле мамы лежал железный прут, которым она могла открывать дверь, не вставая с постели. Я даже сама задвинула задвижку перед сном и только утром откинула ее, когда бросилась за отцом. Значит, в эту ночь мама не позвала горничную и не отодвинула задвижку для того, чтобы она могла войти; и змея не могла воспользоваться ни этой дверью, ни щелкой какой-нибудь, так как дверь всю ночь оставалась закрытой.

– Но ведь змея могла вползти в комнату раньше, чем двери были заперты, – заметил Жан Морейль. – Она могла свернуться где-нибудь под кроватью...

– Это предположение тоже разбирали, – ответила мадам

де Праз. – Но я и Жильберта ушли из комнаты в половине десятого, а привратник замка, делая свой обычный обход, видел змею в ящике в половине одиннадцатого.

– Откуда следует, – заметила Жильберта, – что змея могла выскользнуть из своей клетки между половиной одиннадцатого и часом ночи.

– Почему часом ночи? – спросил Жан Морейль.

– Потому, что как раз в это время мама просыпалась и звала горничную. А в эту ночь она этого не сделала, оттого что скончалась.

– Это только предположение. Для того чтобы выползти, мне кажется, змея не могла воспользоваться «сердечком».

– Вы правы. Все признали, что это если и не совсем невозможно, то маловероятно; а надо допустить, что убежала змея через ту или другую дверь в течение тех двух ужасных часов, которые протекли со времени нашего пробуждения до того момента, как мы бросились искать ее, то есть когда отец догадался, что это ее дело. Когда мы с тетей утром вошли в мамину комнату, змея, вероятно, находилась где-нибудь поблизости, прячась в каком-нибудь углу, под кроватью, за шкафом, что ли!.. Я до сих пор дрожу, когда вспоминаю об этом...

Где змея? Этот ужасный вопрос тяготел над нами, ввергал нас в отчаяние... Следующие за этим дни и ночи мы проделали все на свете, чтобы найти ее. Передвинули мебель, сняли деревянную обшивку со стен. Исследовали водопро-

водные трубы, печи, выкурили дымом калориферы, заложили цементом решительно все отверстия. Парк был осмотрен пядь за пядью, деревню и лес обошли во всех направлениях. И ничего не нашли! Но все это не имело смысла, потому что существуют дупла деревьев, трава – словом, тысячи мест, в которых пестрая змея может оставаться совершенно незаметной, в неподвижном состоянии, а движется она с такой быстротой, что всегда возьмет верх над вашей хитростью.

Мне не было еще тринадцати лет. Все это произвело на меня такое впечатление, что меня пришлось увезти. Люверси мне казалось адом. Я всюду видела змей... И теперь еще – вы сами в этом убедились...

* * *

Жан Морейль выслушал рассказ с самым учтивым вниманием и даже поборол ради него свою легендарную рассеянность.

Он спросил с видимым интересом:

– Ну а потом?

– Никто никогда не видел эту змею, – сказала Жильберта, – но что это доказывает? Ровно ничего! Они живут столет!.. Во всяком случае, в Люверси я не вернусь ни за какие сокровища!

– Как? Вы туда ни разу не ездили?

– Ни разу. Мне страшно. Для того чтобы я поехала, нужно, чтобы мне показали труп этой змеи! О, я ее узнаю! Еще одной такой не найти. Меня не обманули бы!.. И все-таки я очень жалею о Люверси... У меня остались о нем прелестные воспоминания, и грустные и веселые! Не могу вам выразить, Жан, как я люблю этот замок, этот парк! Когда я думаю о них, мне кажется, что там ждет меня старенький добрый дедушка. И меня это очень мучает... Мне хотелось бы поехать обнять его... И... я не могу...

– Вы были бы рады, если бы кто-нибудь доставил вам эту змею живой или мертвой?

Жильберта грустно пожала плечами. Она не верила в это. Но, подняв глаза на Жана, она прочла в его взгляде такое горячее участие, что не могла удержаться и протянула ему обе руки...

Они переживали необыкновенную минуту счастья и совсем забыли о свидетельнице, которая кипела злобой, но внешне как будто даже покровительствовала этому любовному дуэту. Жан Морейль не удивился, когда она поторопилась прервать их идиллию, продолжая говорить о Люверси и змее.

– Дорогая девочка, – сказала она, делая доброе и умоляющее лицо, – ты должна сделать над собой усилие и побороть свое предубеждение. Уж давно пора. Вот уже пять лет, как змея не обнаружила нигде своего присутствия; значит, она издохла. Я лично думаю, что ее замуровали в одной из

тех дыр, которые так старательно заливали бетоном. Теперь уже очевидно, что всякая опасность миновала. И если б ты мне поверила, мы, вместо того чтобы ездить в Довиль, как в прошлом году, или в Э-ле-Бен, отправились бы этим летом в Люверси...

Жильберта испуганно отмахнулась.

– Ни за что, тетя! И не думайте об этом!

– Уговорите ее, месье Жан. Она вас послушает, – прибегла к его помощи графиня. – Подумайте: ведь Люверси – волшебное место. На всей земле нет лучшего уголка!

– Я это очень хорошо знаю. Но что делать? Я там умру от страха!

Жан Морейль и графиня поглядели на девушку со снисходительной улыбкой.

– Не будем настаивать, не правда ли? – сказал Морейль.

«Черт возьми! – подумала мадам де Праз. – Они всегда будут во всем согласны!»

– И потом, как знать, – продолжал Жан Морейль, – вдруг вам кто-нибудь принесет эту змею живой или мертвой?..

И он задумался о чем-то, несмотря на присутствие Жильберты и ее тетки, которым показалось, что он мысленно отделился от них и унесся куда-то в те таинственные области, которые обозначают словом «небеса».

Однако в основе его мыслей была, по-видимому, какая-то забота. Складка на лбу выдавала внутреннюю тревогу...

– Спуститесь на землю! – резво воскликнула Жильберта.

Лицо Жана осветилось улыбкой, и он впервые перевел им свои мысли в слова.

– Любопытная вещь! – сказал он. – Меня змеи никогда не пугали. Напротив. Я довольно долго жил в Индии, и меня больше всего интересовали укротители змей. Я с некоторыми из них даже подружился и, признаюсь, сам научился их искусству. Я свистел в индийскую дудочку и заставлял танцевать этих змей. Я даже достиг в этом деле довольно большого успеха.

– Неужели? – спросила изумленная Жильберта. – Ну вот: ваше бесстрашие и моя трусость будут компенсировать друг друга! Все к лучшему!.. Скажите, вы об этом думали?

– Нет... Я думал... не знаю о чем... по поводу змей... Не знаю, какое-то неясное, старое воспоминание, что ли, которое я не могу выловить из тумана забвения. Но это пустяки, это не имеет значения...

– Значит, – продолжала Жильберта, которая не в силах была оторваться от этой темы, – значит, можно научить змей танцевать!

– Да, при звуках свирели... Но перестанем о змеях! Не лучше ли для вас оставить этот разговор?..

– Нет, поговорим еще, поговорим!

– Вы бравируете своим страхом, потому что знаете, что нечего бояться...

– Значит, они танцуют?

– Они приподнимаются и покачиваются в такт. Можно

также их подзывать, заставить приползти...

– О! Неужели кто-нибудь мог бы, находясь снаружи, вызывать к себе змею, вползшую в дом, или змею, внесенную в комнату?..

Жан Морейль побледнел, заметив волнение Жильберты.

– Неужели это возможно?! – воскликнула изумленная графиня.

– Очень возможно, – сказал Жан Морейль. – Жильберта, давайте займемся чем-нибудь другим...

Но девушка, в свою очередь, задумалась над чем-то. Лицо ее судорожно сжалось. Она наконец сказала, продолжая думать вслух:

– Нет, в эту ночь я слышала бы звуки свирели... Я ничего не слышала. Ничего!.. Нет, это невозможно! И кто же, в конце концов?.. Я ничего не слышала... Ничьих следов не обнаружили нигде...

– Это не имеет значения. Ты, надеюсь, помнишь, что в Люверси повсюду асфальт. Вокруг замка нигде нет ни гравия, ни песку; вот почему мы не нашли никаких следов и, что еще важнее, не нашли следов ползания...

– Почему вы считаете, что это еще важнее?

– Потому, дитя мое, что совершенно невероятно, чтобы какой-нибудь человек желал смерти твоей матери, между тем как роль змеи здесь неоспорима. Если же она не оставила следов на асфальте, то только потому, что на нем не остается следов...

– Верно, – сказали одновременно Жильберта и Жан.

– Ну, довольно об этом! – весело объявила мадам де Праз. – Жильберта, милочка, я думаю, что нам пора уходить. Ты совершенно оправилась?

– Мерси, тетя. Я могу идти.

– Мне хочется, – сказал Жан Морейль, – чтобы вы унесли какое-нибудь воспоминание о первом посещении вашего будущего дома. Не будем больше говорить об этой лампе. Но... выберите сами. Все, что здесь имеется, принадлежит вам.

Все трое стояли возле витрины. Жильберта подошла к ключам. Ее жесты и взгляды выражали шаловливое лукавство. И она сказала несколько мелодраматически, но с дрожанием в голосе:

– Нельзя ли, Жан, вместо всех этих ключей – ключ от вашего сердца...

– Вот он!

Он шутливо указал на огромный средневековый ключ.

– Не говорите глупостей! – воскликнула Жильберта, нежно ударив его по руке. – Это ключ от подземелий, наполненных золотом и драгоценностями. Тетя! Хорошо, что ключ от вашего шкафа не так громоздок! Представляете вы себе эту махину у вас на груди!

Мадам де Праз инстинктивно поднесла руку к указанному месту.

– Нет! – продолжала Жильберта, осматривая коллекцию и напевая что-то про себя, желая придать себе настроение,

совершенно противоположное истинному. — Ключ от сердца Жана Морейля... Да ну же! Ключ... от сердца... Жана Морейля...

— Вот он! — сказал молодой человек. — Он сделан из всевозможных ключей. Возьмите его.

Он протянул ей маленькое старинное зеркальце, вырезанное каким-нибудь Бенвенуто и украшенное жемчужной камочкой; потемневшее от времени стекло хранило в своей глубине улыбку Жильберты...

Глава VI. Тревога графини

Клуб этот был маленьким пышным, комфортабельным дворцом. Там царила обычная полутишина, поддерживаемая тяжелыми портьерами и пушистыми коврами, заглушающими звуки.

– Граф де Праз здесь? Я графиня де Праз.

И так как лакей в красных штанах и зеленом фраке вырастил легкое сомнение, мадам де Праз сухо добавила:

– Я его мать...

Лакей вежливо поклонился.

– Я посмотрю, здесь ли господин граф.

Он проводил посетительницу в скромную, изящную приемную, носящую мрачную и холодную печать мест, обитаемых исключительно мужчинами.

Через несколько минут швейцар почтительнейше доложил мадам де Праз о том, что граф Лионель находится в зале для бокса и что он просит графиню пройти к нему.

Мадам де Праз последовала за швейцаром через целый лабиринт коридоров и наконец добралась до зала, обитого сверху донизу черным деревом. Под ногами был коричневый мягкий линолеум.

Лионель вышел из противоположной двери. Он был закутан в какой-то фантастически кричащий капот экзотического цвета. На шее было мохнатое полотенце. На босых ногах –

легкие туфли с белыми шнурками. Растрепанные волосы и все лицо в красных пятнах свидетельствовали о какой-то серьезной «взбучке». На руке его была огромная перчатка. Он поспешно завязывал пояс на своем шуршащем кимоно.

– Пожалуйста, простите меня, маман, за то, что я принимаю вас здесь. Но, поверьте, ваш визит может изумить хоть кого! Я подумал, что вы хотите сообщить что-нибудь спешное... Что же случилось?

Они уселись в плетеные кресла и глядели друг на друга с минуту: он – как будто смеясь над всеми женщинами вообще и матерью в частности, но в то же время не скрывая любопытства, она – нерешительно и испуганно.

– Что же? – повторил Лионель. – Говорите же!

– Ты, может быть, найдешь, что это глупо... Мне казалось, что я должна предупредить тебя немедленно, не теряя ни минуты... А теперь мне кажется, что поддалась совершенно неосновательным страхам...

– Да скажите же, в чем дело, черт возьми?

– Ты ведь знаешь, что Жан Морейль пригласил к себе Жильберту и меня на чашку чаю. Я только что оттуда и отправила Жильберту одну в Нейли, чтобы сейчас же заехать к тебе. Я... я не знаю, как тебе объяснить, как точнее сказать... Представь себе... по поводу одной лампы заговорили о смерти твоей тетки... Ну, словом, мы с Жильбертой рассказали ему про ужасную ночь девятнадцатого августа и про все, что было потом... Я не могу тебе точно сказать, ка-

кая связь между теми замечаниями и наблюдениями, которые запали мне в голову. Но я твердо знаю, что постепенно мною овладела какая-то шальная мысль... Ну и вот я говорю и ничего не могу сказать... Слушай, Лионель, я тебе задам один вопрос, который тебе, конечно, покажется очень странным... Когда ты был в пансионе, ты никогда не был знаком с индусами? Ты никогда не вступал в какие-нибудь отношения с укротителями змей?

Ошеломленный неожиданным вопросом, Лионель расхохотался.

– Никогда! Да ведь вы бы знали об этом! Никогда в жизни, ни на минуту я не вступал ни в какие отношения с этими людьми! Но что все это значит?

– Это значит, что ты снял с моей души тяжесть, которая чуть не придавила меня.

– Каким образом?

– А таким, что если бы допрос установил противное тому, что ты утверждаешь, на тебя пало бы подозрение...

– В чем? – спросил заинтересованный Лионель.

– В том, что ты впустил змею в комнату тетки и вызвал ее или велел кому-нибудь вызвать ее оттуда после того, что случилось в запертой комнате.

Лионель мгновенно вспыхнул и перестал смеяться.

– Вы с ума сошли! Или я это слышу во сне? Кто мог бы меня обвинить или заподозрить?

– Возможно, что Жан Морейль. Вот почему, как только

эта мысль у меня определилась, как только я почуяла опасность, я поспешила тебя предупредить, чтобы ты знал, как ответить на вопросы, если бы это понадобилось.

– Допрашивать! Меня!

– Ну, конечно, нет. Но в интимной беседе можно многое вывести!.. Впрочем, откуда я знаю, что Жак Морейль собирается углубиться в эту трагедию в Люверси? Он только раза два спросил Жильберту: «Что, если вам доставят эту змею, живую или мертвую?»

– Ну и пусть ее ищет! Пусть найдет! Это и мое самое искреннее желание. Я охотно ему помогу в этом при случае!

– И я, конечно! И от всей души!

– Но, бедная моя маман, что вас заставляет думать, что кто-нибудь будет копаться в этой истории, станет осложнять ее, искать в+ней преступника и к тому же еще обвинять меня?

– Все это, дитя мое, я отчего-то вдруг вбила себе в голову. Мать везде видит опасность... Я нахожусь под впечатлением таинственности, которой окружает себя Жан Морейль с его ключами и лампами... Эта таинственность теперь мне показалась совершенно иной: не такой, какую мы до сих пор предполагали. Я уже думала было, что я ошиблась, но теперь вижу, что нет... Когда он заговорил об укротителях змей сразу после того, как разбирали вопрос, замешан ли кто-нибудь в деле смерти твоей тетки...

– Кончайте, маман, вы меня интригуете. Почему вы ко-

леблетесь?

— В первый раз со времени события я разобралась в следующем: если бы кого-нибудь стали обвинять в убийстве твоей тетки, то прежде всего подозрение пало бы на тебя, мой мальчик. На тебя, так как в то время ты уже был мужчиной. Естественно, что на тебя, тем более что после события прошло пять лет и ты не мог бы установить, что ты делал той ночью.

Лионель, с гневным презрением глядевший на мать, воскликнул:

— Но из каких же побуждений я стал бы это делать в вашей бессмысленной гипотезе?

— Из каких побуждений? Ты забыл о той злобной клевете, которой осыпали меня после смерти твоего дяди? Из каких побуждений? Да просто для того, чтобы сделать его вдовцом и дать возможность твоей матери выйти за миллионера Гюи Лаваля!

Молодой человек воздел руки к небу и снова громко расхохотался, и так откровенно, что его заразительный смех расшевелил бы кого угодно, только не графиню.

Она сказала:

— Тут совсем неважно, обоснованно ли это подозрение. Ты понимаешь ведь, что я за тебя совершенно спокойна: я не сомневаюсь в том, что змея сделала свое убийственное дело без чьей-либо помощи. Шум разбудил бы меня или Жильберту, которая не спала и лежала рядом со мной; она тотчас

сказала мне, если бы что-нибудь услышала. Нет, об этом не может быть и речи. Дело только в том, чтобы вовремя отпарировать обвинение, которое мне сначала казалось вероятным и которое теперь мне кажется совершенно несостоятельным, потому что, слава богу...

– Я незнаком с раджами и не умею укрощать змей!.. Ха-ха-ха! Нечего сказать, и пришло же вам в голову!

Мадам де Праз пронизала взглядом сына и вдруг залюбовалась им. Выражение материнской гордости разлилось по ее тусклому лицу. Она припала головой к груди Лионеля.

– Что делать! – сказала она робким голосом. – Я вдруг перепугалась... Я так люблю тебя, мой мальчик!

– Вы сегодня женщина с ног до головы... У вас какие-то страхи! Вы нервничаете, возбуждены... Держу пари, что вы хотите мне рассказать еще кое-что!.. Ну говорите же!

– Ты не рассердишься?

Она робко улыбнулась, и он увидел в ее туманных глазах все обожание, всю снисходительность любящей матери. Лионель нахмурил брови и сделал недоверчивую мину.

– Ты в последний раз сказал мне одну ужасную вещь по поводу Жильберты... Помнишь? Утром, у тебя в комнате... Ты намекнул на грипп, который был у нее в прошлом году и чуть-чуть не оказался для нее смертельным...

– Признаюсь, не помню...

– Конечно, вот это-то меня и пугает! Ты не отдаешь себе отчета в том, какие чудовищные вещи ты говоришь. Я твоя

мать и знаю, что за этим ничего нет. Но люди судят о нас по нашим словам столько же, сколько по делам. Предположи, что тебя обвинили в каком-нибудь преступлении, – как ты пожалеешь об этих невольно и так легкомысленно сорвавшихся с твоих уст словах, в которых ты сам себя рисуешь в таких ужасных красках!

– Напомните, что я вам тогда сказал...

– Ты мне сказал, что, если бы Жильберта умерла, я получила бы ее наследство и в общем все вышло бы к лучшему. Ты, конечно, не думаешь этого. Зачем же говорить? Если ты при других обстоятельствах скажешь что-нибудь подобное, люди создадут о тебе ложное представление – понимаешь?

Они стояли друг против друга, и Лионель пристально вглядывался в настойчивый и умоляющий взгляд матери, в котором горела вся ее душа, пылкая, беспокойная и решительная.

Лионель, против своего обыкновения, сказал не слишком резко:

– Да, маман, в этом вы правы. Я буду следить за собой... Прошу вас верить мне, и, клянусь вам честью, мой... цинизм только на словах. Я не могу себя упрекнуть ни в каких таких действиях...

– Я это знаю, Лионель! – порывисто бросилась к нему графиня.

– Да, конечно, вы мне это уже сказали. Но с женщинами никогда нельзя быть уверенным... Ни в чем не могу себя

упрекнуть, повторяю! Пока ни в чем. Может быть, и никогда ни в чем! Это зависит...

– Что ты хочешь этим сказать?

– Между нами... я с вами сейчас говорю как с самим собой... я во что бы то ни стало хочу получить Жильберту и ее состояние, вернее, получить миллионы Лавалей вместе с дочерью или без нее!...

Мадам де Праз беспокойно зашептала:

– Ловкость и интрига, больше ничего не надо. Позволь мне руководить тобой. Следуй только моим советам!

– Я им следую.

– Наблюдение за Жаном Морейлем по ночам?

– Мы с Обри уже условились. С сегодняшнего вечера начнем.

– Дай Бог счастья... Но следи и за самим собой. Обещаешь?

– До свидания! – сказал Лионель, не возвращая матери ее долгого поцелуя. – А вы следите за своими нервами! Вы меня расстраиваете своими индусскими историями!

Мадам де Праз обернулась на пороге. Бледная умоляющая улыбка показалась на ее губах. Лионель с недоумением поднял кверху свои атлетические плечи, задрапированные ки-моно.

Глава VII. Тайна

Месяцем раньше было бы очень трудно вести наблюдение за домом Жана Морейля, но в конце апреля деревья, окаймлявшие некогда триумфальный путь и только что одевшиеся богатой листвой, значительно облегчили это дело.

Обри наметил зеленую чащу, расположенную как раз против калитки особняка. Лионель должен был присоединиться к нему в десять часов вечера, чтобы им вместе начать работу на этом естественном наблюдательном посту.

Им не стоило никакого труда проскользнуть туда незаметным образом. Несмотря на то что было светло от электрических фонарей, безлюдность этих мест упрощала операцию.

– Что за поганое занятие! – проворчал Лионель.

Обри приложил палец к губам, и они приступили к делу.

В трехэтажном особняке было тихо, все окна тонули во мраке, за исключением двух, выходивших не на улицу, а в сад. За решеткой виднелись деревья, поднимавшие к небу свои широкие ветви. Узкие полосы света прорезывали тень, отбрасываемую фасадом, и свидетельствовали о том, что одна из комнат, защищенная ставнями, освещена.

Это был кабинет Жана Морейля. Лионель и Обри знали это, но не это интересовало их. Они собирались выследить не Жана Морейля, а ту особу, которая, по их предположениям, пользуется ночным временем, чтобы проникнуть в особняк

с согласия молодого человека, несмотря на то что он был уже женихом Жиль-берты.

Лионель следил глазами за редкими прохожими, но ему становилось невтерпеж, и он время от времени прогуливался взад и вперед и высмеивал и осуждал выдумку матери. Теперь, находясь за этой завесой из листвы, перед мирным и немым отелом, перед этими освещенными окнами, говорившими об усидчивом труде, он более чем когда-либо сознавал, что подозрения мадам де Праз – плод ее воображения. Разве не смешно торчать здесь и шпионить в компании с привратником, имея целью поймать кого-то, кто, конечно, не придет и даже вовсе не существует?

Лионель чувствовал, что его скверное настроение постепенно переходит в ярость.

«Ну один раз – куда ни шло, – думал он, – но больше меня сюда не заманят!»

Время шло. Было так тихо, что слышалось, как в доме часы отбивают каждую четверть.

Пробило одиннадцать.

– Только! – прошептал Лионель, зевая.

Почти уже не видно было прохожих. Экипажи появлялись изредка и направлялись только в сторону Парижа. Кругом шмыгали кошки, то неслышно, как привидения, то надрываясь от плача, как дети. Лионель выходил из себя от злости и скуки. Наконец он улегся на земле, желая вздремнуть. Вдруг Обри тронул его за плечо и сделал знак. Однако никого не

видно было ни с одной стороны, ни с другой.

– Что? – прошептал Лионель.

Он увидел, что Обри высунул голову и слушает.

Он тоже прислушался.

Часы пробили половину. Где-то протяжно замыкал кот.

Бесшумно и медленно приотворилась калитка, и появился человек, мелькнув точно безмолвная тень на стене. Он осторожно прикрыл калитку с очевидной целью заглушить малейший шум. В руках у него был ключ или отмычка, которую он, подозрительно оглядываясь, положил в карман. Он бросил вокруг себя быстрый взгляд и, почти задев плечом стены, неслышными шагами направился вдоль по улице.

Лионель и Обри свободно могли разглядеть его фигуру. Фуражка была надвинута на самые глаза. Воротник пиджака поднят. Лицо тонуло во мраке. Он шел, шлепая ногами, высоко поднимая плечи, прижав глубоко засунутые в карманы руки к бокам; ноги были одеты в парусиновые туфли. У него были спокойные и хищные движения ночной кошки. Можно было отгадать в нем человека, который умеет ходить крадучись, вдруг одним прыжком бросаться в бегство и мгновенно исчезать, смешиваясь с тьмой, как бы чудом каким-то сливаясь с окружающей обстановкой или с тенями ночи.

Можно было с уверенностью сказать, что это какая-то темная личность, относящаяся к служащим этого дома. Все в его походке, в одежде подтверждало это. Обри и Лионелю пришла в голову одна и та же мысль: этот апаш совершил

кражу в доме Жана Морейля!

Лионель не знал, что делать, и спрашивал себя, надо ли дать мошеннику уйти безнаказанно, как вдруг заметил, что походка, фигура или какая-то другая характерная особенность в этом человеке были ему знакомы. Тогда без всякого перехода он подумал, что воображаемый грабитель – просто тайный агент на жалованье у Жана Морейля, которых нанимают среди подонков для секретных надобностей. Отчего бы Морейлю не иметь своего Обри?

В этот момент Обри приблизил свои уста к благородному уху графа и шепнул:

– Надо последить за этим типом, граф. Я это сделаю. Оставайтесь здесь и наблюдайте за домом. Я скоро вернусь и все расскажу.

– Ступайте! – сказал Лионель.

Человек, дойдя до угла, пересек пустынную аллею, направляясь дальше. Обри потонул в тени деревьев. Лионель потерял его было из виду, но затем увидел снова – Обри переходил широкую мостовую.

Весь квартал был погружен в глубокий покой. Окна кабинета освещали листву деревьев мягким, мирным светом. Лионель сравнил в уме свое положение с положением Жана Морейля, который, удобно рассевшись в кресле, обложенный со всех сторон книгами, являл собой фигуру английского денди. Он досадливо махнул рукой и вдруг испугался, увидев горящие в темноте глаза присевшего существа великолепной

кошачьей породы.

После получасового ожидания Лионель по шороху в траве почувствовал, что к нему кто-то осторожно приближается.

Это был Обри.

– Сорвалось! – сказал он. – Я потерял его из виду. По той стороне аллеи уже никого не видать. Я шел наугад... Досадно.

– Как вы думаете, кто это? – прошептал Лионель. – Вор или...

– Кто знает, может быть, и убийца. Уж очень у него подозрительный вид, черт возьми!

Лионель молчал. Его охватила какая-то тревога. Но из самолюбия он предпочел о ней не говорить. У этого скрывшегося только что вора не было с собой никакого узла, никакой ноши. Если он что-нибудь и украл, то, во всяком случае, нечто такое, что легко было скрыть. Ведь кредитные бумаги или драгоценности занимают очень мало места, и можно совершенно незаметно для других иметь на себе сотни тысяч франков... Украл этот человек или нет, это не должно иметь ничего общего с тем, что произошло в особняке, пока он, Лионель, оставался здесь, против калитки. Если на следующее утро в доме найдут труп Жана Морейля, если в настоящую минуту он вместо того, чтобы комфортабельно сидеть за письменным столом, валяется где-нибудь на полу, убитый неизвестным злоумышленником, – какая невероятная опасность для Лионеля де Праза в одном том, что он простоял

целые часы перед особняком, спрятавшись в кусты и как бы выжидая момента, чтобы попасть в дом! Мягкая земля, лишенная травы, выдаст его присутствие. И как легко будет отгадать следы от его подошв, отпечатавшиеся здесь, под деревьями!

– Надо убираться отсюда, – решил он.

Нащупав карманы, он убедился в том, что не выронил из них ничего такого, что может помочь сыщикам напасть на след, и решил хорошенько утоптать это место, раньше чем уйдет.

Время шло, отмеряемое глухим звоном часов. Против ожидания никто не явился нарушить трудолюбивое бдение Жана Морейля.

В четыре часа ночи окоченевшие и унылые Лионель и Обри собрались было снять осаду, когда вдруг услышали собачий лай, который несколько минут настойчиво и гневно приближался к ним, потом резко оборвался.

– Подождем немного, – посоветовал Обри.

Они подождали и вскоре различили тень, движущуюся вдоль зданий. Свет фонарей позволил им узнать в этой тени бродягу, вышедшего из особняка в половине одиннадцатого.

– Вот так штука! – процедил сквозь зубы Обри.

Человек шел прямо на них. Доверчивый к этому часу ночи, когда весь Париж уже спит, он не прятал больше лица в воротник пиджака. Он приближался с каждым шагом, храня в походке какую-то особую, нахальную грацию.

Две пары уставившихся на него сквозь листву глаз подстергали тот момент, когда можно будет отчетливо видеть его черты... Это мгновение наступило... К величайшему своему изумлению, Лионель и Обри узнали это лицо, но не узнавали его выражения.

Это был Жан Морейль, в чем нельзя было сомневаться, но Жан Морейль с бегаящими глазами и испитым лицом, Жан Морейль, которого неведомый внутренний огонь освещал каким-то ложным светом.

Лионель схватил Обри за руку.

Они видели, как этот странный человек украдкой вошел в дом, бесшумно открыл дверь, осторожно переступил порог и исчез...

– Вот тебе и раз! – воскликнул Обри.

Во всяком случае, окна наверху все еще светлыми стрелами прорезывали темноту ночи. Одно из этих окон открылось, щелкнули ставни, и на каменном балконе появился апаш с папироской в зубах. Он появился только на мгновение и вернулся назад в дом, снимая с себя по дороге пиджак.

Потом вышел снова, все еще продолжая курить, но одетый в более изящное домашнее платье, облегающее его стройную фигуру. Он прислонился к откинутой ставне и загляделся на звезды, держа папиросу с изящной манерой клубмена. В тонком его профиле, который выделялся в полосе теплого света, не осталось и следа от прежнего неприятного выражения. Жан Морейль снова сделался самим собой.

Он ушел. Свет погас. Граф де Праз и его сообщник вышли из своего убежища. Когда они очутились на некотором расстоянии от дома Жана Морейля, Обри, все еще ошеломленный тем, что видел, спросил:

– Что все это значит, господин граф?

– Все очень просто, – ответил Лионель с отвратительной, торжествующей улыбкой.

– Просто?

– Ну да, просто и объяснимо! Это называется раздвоением личности!

– Ах, вот что! – протянул Обри.

Глава VIII. Альбом

Чуть брезжил рассвет, первые воробьи шумно приветствовали друг друга, когда Лионель де Праз вернулся домой.

В общем, это для него было вполне обычно. И если бы его кузине Жильберте, случайно проснувшейся на заре, пришлось в голову высунуться в окно для того, чтобы насладиться красотой рождающегося дня, она не нашла бы ничего подозрительного в том, что молодой кутила окончил свой день, когда другие его только начинают.

Однако ее удивило бы, что вместо того, чтобы направиться в буфетную и выпить там прохладительную и пенистую смесь, Лионель прошел прямо в библиотеку, порывлся в каталоге и снял с полки несколько книг в суровых переплетах. Он спрятал их под полкой своего пальто, как будто стесняясь своей благородной ноши, и с необычайными предосторожностями поднялся к себе в комнату.

Мадам де Праз услышала его шаги. У нее был тонкий слух и чуткий сон, и притом еще, хоть она и спала прекрасно, ей не давала покоя мысль о Лионеле и Обри, стерегущих особняк Жана Морейля. Что они делали? Что узнали? Может быть, ничего... Эта мысль тревожила ее сквозь сон, точно глухое тиканье будильника.

В ранний час, когда вернулся Лионель, несущий с собой надежду или разочарование, будильник шумно зазвенел.

Мадам де Праз охватило сильное желание вскочить с постели, накинуть пеньюар, бесшумно открыть дверь... Да, дверь мешала ей удовлетворить любопытство. Мадам де Праз чувствовала себя неловкой в роли следователя. Замок мог щелкнуть, петли заскрипеть, дерево – издать треск. Эти несносные звуки резко раздадутся в утренней тишине сонного дома и разбудят племянницу, спящую поблизости. А мадам де Праз так же, как и Лионель, понимала, что не следует делать ничего такого, что может возбудить в Жильберте недоверие к ним. Наоборот, надо стараться поддерживать во всем обычный порядок. Какая-нибудь неосторожность могла все погубить: Жильберта была из тех своенравных девушек, которые могут выйти за человека из-за того только, что семья этому противодействует; мадам де Праз не строила на этот счет иллюзий. Для того чтобы разбить надежды Жана Морейля, надо зародить желанное решение в самом сердце Жильберты. Необходимо, чтобы она до самого конца чувствовала себя независимой и свободной в своих действиях. Если не удастся представить ей факт, который вызвал бы в ней полный переворот, нечего и думать повлиять на нее. Нет, нет! Полная осторожность во всем! Никаких хождений к Лионелю в необычное время! Никаких подозрительных звуков при первых проблесках зари!

Впрочем, мадам де Праз вспомнила довольно кстати, что Жильберта должна рано проснуться, чтобы ровно в девять отправиться на прогулку верхом. Так она условилась с Жа-

ном Морейлем накануне. У него имелась восхитительная ирландская лошадь, умная, хорошо обьезженная, – идеальная лошадь для молодой девушки. В девять утра он должен привести лошадь Жильберте, и они отправятся в Булонский лес до завтрака. Во время этой сентиментальной прогулки мадам де Праз и Лионель успеют наговориться.

Обдумывая таким образом и перебирая в своей седой голове всевозможные предположения и козни, мадам де Праз дождалась обычного часа. Наслаждаясь тем сопротивлением, которое она оказала своему жадному любопытству, эта женщина, так хорошо владеющая собой, заставила себя с особой тщательностью проделать свой утренний туалет.

Когда она входила в свой кабинет, у ворот дома послышался конский топот. Сторож широко раскрыл ворота, и Жан Морейль въехал во двор верхом. С ним был мальчик, ведущий под уздцы лошадь для Жильберты. Жан Морейль спрыгнул с седла и направился к двери.

– Который час? – прошептала мадам де Праз. – Половина девятого...

Жан Морейль остановился, когда Жильберта весело окликнула его из окна первого этажа:

– Вы поторопились!

– Простите. Лошади были готовы, и я тоже. Мне было скучно.

– Чудесно! Я даже рада, знаете? Вы хорошо выспались?

– Великолепно.

– Подождите меня в гостиной. Согласны? Я скоро! Через двадцать минут я буду готова!

Мадам де Праз приготовилась уже выйти в гостиную, чтобы принять Жана Морейля, как вдруг перед ней очутился Лионель.

– Подождите! – прошептал он. – Я видел, как приехал Морейль, поэтому поскорей спустился, чтобы вам сказать... Есть новости. Но я хотел бы еще удостовериться. Словом, я предпочитаю, чтобы вы были в курсе того, что я знаю, что я видел. Это только начало, но оно много обещает...

Мадам де Праз прошептала:

– Скорее!

Это замечательно, слышите! – сказал Лионель, смеясь от вратительным смехом. – Замечательно!

Мадам де Праз смотрела на него не мигая, наперед предвкушая наслаждение.

– Знаете ли вы, что такое раздвоение личности? – продолжал Лионель, издеваясь. – Что такое переменное сознание?

На лице мадам де Праз выразилось радостное изумление.

– Не может быть! – неистово обрадовалась она. – Жан Морейль?..

– Как я вам доложил, маман!.. Значит, вам известно, что это такое?

– Я видела на сцене «Прокурора Галлерса»...

– Я тоже. Вот это-то мне все и объяснило. Только не будем слишком увлекаться. Когда я вам все расскажу, вы увидите,

что у нас еще много работы. Я догадываюсь, я чую тайну, которую мы, конечно, используем. Но сейчас я знаю только одно: этой ночью Жан Морейль вышел из своего дома под видом какой-то темной личности и отсутствовал несколько часов.

– Небо, благослови нас! – дрожащим голосом прошептала графиня.

– Я хотел вас предупредить сейчас же, прежде чем вы увидите Морейля.

– Ты очень хорошо сделал.

– А теперь пойдите к нему. Как только он уедет, мы продолжим наш разговор. Я не покажусь. Но мне хотелось бы видеть его физиономию после того, что произошло сегодня ночью. Какую мину он скорчит?.. Позвольте!.. Ведь я могу видеть его через стеклянную дверь, а сам останусь незамеченным...

– Интересное испытание. Попробуем! – сказала графиня.

Особняк был построен давно, в эпоху Второй империи, когда архитекторы считали еще вполне возможным оставлять в доме темные коридоры. Один такой коридор шел вдоль гостиной. Чтобы осветить его, Гюи Лаваль прибегнул к единственно возможному средству – стеклянным дверям. Это было не очень удачное решение, так как мелкие стеклянные рамы, выходявшие во мрак коридора, не представляли собой ничего приятного для того, кто находился в гостиной, хотя хозяева и старались замаскировать их высоки-

ми растениями.

Темный коридор, устланный мягким ковром, облегчал дело нескромному наблюдателю. Мадам де Праз и ее сын шли неслышными шагами. Они видели все, что происходило в гостиной, через стекло, замаскированное листьями пальм.

Жан Морейль сидел возле окна. Он взял со стола альбом с фотографиями и медленно перелистывал его. Он выглядел совершенно отдохнувшим. Свежий цвет лица, ясные глаза говорили о здоровье спортсмена, только что проснувшегося от десятичасового сна без сновидений. Ярко освещенный лучами раннего солнца, тонкий и грациозный в своем костюме для верховой езды, Жан Морейль как будто позировал художнику, чувствовалось, что этот молодой человек одарен врожденным изяществом. Даже если бы он очутился в самой убогой обстановке, он все равно был бы таким же... И все-таки!

Лионель вспомнил виденного ночью апаша: как непохож он был на этого молодого человека, этого двуликого Януса, который обратил к нему свой светлый лик после того, как показал уже прежде темный. Им овладело странное оцепенение, которое он испытал уже однажды в ту ночь, когда Жан Морейль появился на балконе своего кабинета. Но после этого Лионель успел порыться в книгах. Теперь он знал тайну этого человека, знал, какое чудовищное психологическое явление заключает в себе раздвоение личности. И, не умея черпать душевного спокойствия в ученых трудах, он

вынес из них только еще более сильное недоумение и недовольство. Он сомневался в своих чувствах, в памяти, в разуме...

Мадам де Праз, которая не имела таких причин изумляться — ее глаза ведь не видели того, что видел сын, — первая заметила какую-то особенность в Жане Морейле. Он разглядывал фотографии не так, как это делает всякий праздный человек, желающий сократить время ожидания. Он рассматривал их тщательно, одну за другой. И чем дальше, тем больше на его лице отражалось удовлетворение. В нем происходила какая-то внутренняя работа. Брови были нахмурены, губы сжаты. Все в нем обнаруживало беспокойного мыслителя, который из глубины сознания стремится вызвать какое-нибудь беглое воспоминание или ускользающее от него объяснение.

Он закрыл альбом, положил его на стол и медленно зашагал по комнате, все еще погруженный в глубокое размышление. Наконец, как бы прогнав жестом надоевшую ему мысль, он снова уселся в кресло, равнодушно постукивая ручкой хлыста по башмакам. Мадам де Праз решила, что можно войти. И она вошла, а Лионель убрался восвояси.

* * *

Мадам де Праз не любила бесцельных речей, Жан Морейль легко мог убедиться в том, что графиня хочет восполь-

зоваться тем, что они одни.

– Я очень рада поговорить с вами в отсутствие Жильберты, – сказала она после нескольких банальных фраз. – Прошу вас, постарайтесь уговорить ее вернуться в Люверси! Помогите мне, ведь вы имеете на нее такое влияние! Помогите мне победить это болезненное предубеждение... Ведь в этом нет здравого смысла!

– Я вполне согласен с вами, графиня. Но дайте мне время. Я не думаю, чтобы такого рода странности могли исчезнуть так быстро. По моему мнению, это дело требует терпения. Я за это возьмусь с удовольствием...

– Если бы вы знали, что такое Люверси, я уверена, что ваше красноречие сделалось бы еще убедительнее. Как досадно слоняться по разным гостиницам, когда можно наслаждаться очаровательной, приятной жизнью в этой усадьбе. Вам хотелось бы увидеть ее? Лионель поехал бы с вами туда очень охотно...

Возможно, что у мадам де Праз была какая-нибудь задняя мысль. Но Жан Морейль как будто не подозревал о ней. Он вежливо ответил:

– Когда вам будет угодно, графиня.

– Тем более, – с улыбкой сказала мадам де Праз, – мне показалось вчера, что вы были бы счастливы, если бы вам удалось отыскать змею...

– Нет, – сказал он. – Я думал об этой истории после того, как расстался с вами. От всей этой трагедии, по моему мне-

нию, остался один ребяческий страх в душе молодой девушки. Этот страх рассеется со временем, если мы все поможем ей. Я, впрочем, полагаю, что змея давно покинула этот бранный мир, поэтому поиски не только будут тщетны, но даже повредят делу. Мадемуазель Жильберта увидит в этом только подтверждение своим безумным страхам. Если она должна будет смотреть на мою поездку в Люверси как на нечто вроде следствия или розысков, мне кажется, лучше будет от этого совсем воздержаться.

– Но без ее ведома...

– Простите меня, но я не желаю от нее скрывать что бы то ни было. Кроме того, если она узнает об этом, если вообразит, что я без ее ведома роюсь в лесах Люверси, какой от этого получится позорный эффект! Она еще больше укрепитя во мнении, что змея еще существует!.. Нет, оставим этот проект, графиня, хотя бы пока...

На лице графини выразилось удивление. Но, когда появилась Жильберта, в ботинках, в шпорах и солидной мужской шляпе, мадам де Праз заявила, что во всем с ним согласна.

Несколько минут спустя, когда всадники уже выехали из ворот, мадам де Праз, подойдя к столу, взяла в руки альбом, который Жан Морейль рассматривал с таким увлечением... В альбоме были все снимки, сделанные в разное время с мадам Лаваль. Их было множество. Вот она одна, вот среди друзей. На одной из фотографий она была изображена играющей в гольф, на другой – верхом на своем любимом

пони. Снимки напоминали о путешествиях, маскарадах, балах – печальная и драгоценная коллекция, отражающая всю жизнь этой очаровательной женщины. Альпинистка, охотница, шофер, коломбина на карнавале, королева в комедии, белоснежная новобрачная под руку с мужем в строгом фраке, мать, баюкающая маленькую Жильберту, красавица, улыбающаяся из-под кокетливой шляпки... Альбом хранил изображения мадам Лаваль, увековеченной в самых красивейших позах.

Неужели этот альбом так взволновал Жана Морейля? Графиня старалась вспомнить выражение его лица. Ей показалось, что Жан Морейль имел вид человека, тщетно старающегося вспомнить, где и при каких обстоятельствах видел он особу, портреты которой были перед его глазами.

При всяких других обстоятельствах такое предположение (ведь это было всего только предположение) не произвело бы впечатления на мадам де Праз. Но, зная о том раздвоении, которое претерпевает личность Жана Морейля, она отнеслась к этому совершенно иначе. В высшей степени заинтересованная, она загорелась острым желанием узнать об этом еще больше и почувствовала явное удовлетворение, когда увидела, что сын входит в гостиную.

– Знаешь, что он только что рассматривал? – сказала она ему. – Фотографии твоей тетки!

Лионель, не успев еще войти, остановился как вкопанный, устремив на мать пронизывающий взгляд.

– Поговорим, – сказала она. – Разберемся в наших делах... Расскажи подробнее, что вы с Обри видели сегодня ночью.

Он рассказал и добавил:

– Наша библиотека не слишком богата медицинскими книгами; однако я нашел несколько сочинений, которые меня в достаточной мере просветили насчет того, что такое раздвоение личности. Бывает, что человек раздваивается, то есть он поочередно представляет собой два совершенно разных существа, даже часто совершенно противоположных, которые не знают друг друга и не имеют между собой никакой связи. Бывает, что второе существо лишь очень редко появляется в жизни первого существа. Появляется периодически, в определенные дни и часы и точно так же исчезает. Эта вторая личность может существовать только несколько мгновений. И, наоборот, может получить большое значение, захватить четверть или половину жизни «субъекта». Наконец, в книгах приводятся случаи, когда вторая личность кончает тем, что убивает первоначальную, и, таким образом, это второе ее состояние постепенно превращается в новую индивидуальность, душа которой нисколько не похожа на душу первой.

– Ты мне не рассказал ничего нового. В общем, это истинная история банкира Вильямса и выдуманная соответственно научным данным история «Прокурора Галлерса». Первый из них сделался совершенно другим человеком. Вто-

рой, вымышленный драматургом Линдау соответственно научным наблюдениям, был вором ночью и чиновником днем.

– Совершенно верно. Тэн, Азам, Диафай, Рибо согласны между собой во всех пунктах. Если хотите, я прочту вам их сочинения или статьи. Вы найдете там сотни примеров «раздвоенного сознания», аналогичного случаю Вильямса или Галлерса. Это, собственно говоря, болезнь личности.

Мадам де Праз о чем-то задумалась.

– Ты говоришь, обе эти личности не знают одна другую? Их память, следовательно, остается разобщенной? Значит, воспоминания человека номер один не похожи на воспоминания человека номер два?

– Таково правило, хотя и подозревают, что между той и другой памятью имеется связь, дающая место смутным воспоминаниям.

– Ага! – сказала графиня, бросив взгляд на альбом.

Лицо ее потемнело.

– Все это, – сказала она, – очень интересно. Но у нас одни только предположения. Ты видел, что Жан Морейль вышел из дома и вошел в него в образе ночного бродяги? Хорошо. Откуда ты знаешь, что здесь раздвоение личности? Он просто переоделся.

– Во всяком случае, он это сделал с подозрительной целью. Но оставим эту мысль, маман. Достаточно было заметить его походку и в особенности лицо, чтобы убедиться, что это не переодевание, это невероятное чудо, это перевопло-

щение можно объяснить только патологически.

– Ладно, пусть так. Значит, случай сделал вас свидетелем исключительного явления, которое, может быть, никогда больше не повторится.

– Да, вот это вопрос! И мы это скоро узнаем. Теперь вы понимаете, что мы будем за ним наблюдать каждую ночь неотступно...

Мадам де Праз снова задумалась.

– Болезнь... – произнесла она, размышляя. – Душевная болезнь... Но знаешь ли ты, что этого мало для того, чтобы Жильберта отвернулась от этого человека? Она добрая! Она начнет говорить о заботах, о лечении, исцелении...

– Пф! Зависит, как изобразить дело. Не так легко выйти за вора и – кто знает? – может быть, и за убийцу!.. И если вор или убийца действует под влиянием душевного расстройства, его держат в заключении. За сумасшедшего не выходят замуж! Можно его любить, заботиться о нем, но выходить за него замуж – нет!

– Там видно будет, – продолжала мадам де Праз. – Пока что давайте наблюдать за ним, лучшего мы ничего не можем сделать. Поживем – увидим! Но нельзя ни в чем быть уверенным. Лучше, как говорят, иметь в запасе две веревочки. У меня есть проект, который зреет в моей голове уже два-три дня. Только что, во время короткого разговора с Жаном Морейлем, я старалась держаться определенной линии. И будет осторожнее с моей стороны, если я буду и дальше ее дер-

жаться. В случае, если твое открытие не скоро приведет к цели, я буду рада, что у меня есть наготове другой проект нападения.

– Какой?

– Не суйся в мои мелкие комбинации. У тебя достаточно дела со слезкой. Кроме того, это – женская выдумка. Выдумка матери... Дай мне самой это закончить.

Лионель глядел на нее, невольно любуясь ею. «Все та же», – как будто думал он.

– Согласись с тем, что я не ошибалась, – сказала она. – В жизни Жана Морейля есть тайна. Его задумчивость, рассеянность, полеты вдаль... Вот видишь!..

– Да. Должно быть, в эти минуты его смутно волнует «другая личность», апаш... Поэтому я уверен, что события этой ночи должны еще повториться. Тем не менее, – воскликнул вдруг Лионель, – это ужасно! Тайна! Иметь тайну в жизни, единственную тайну, которую не можешь разгадать! Эти лампы, ключи, эта жажда все знать, всему учиться, разве все это не кажется вам до невозможности комичным?

Глава IX. Мадемуазель Ява

Нужно ли говорить о том, что Жильберта Лаваль ездил верхом совершенно как мальчишка? Одна нога тут, другая там. То, что о ней уже известно, достаточно ее рисует. Она была из тех современных наездниц, к которым больше не подходит устаревшее слово «амазонка» и которые отсылают в самое далекое прошлое седло с крючками, длинную юбку и цилиндр.

Возможно, что Жан Морейль, как денди, и жалел об этом в душе. Но, сам будучи прекрасным наездником, он ценил изящную и уверенную езду молодой девушки, умевшей владеть своими движениями. Лошадь шла под ней грациозным, спокойным и размеренным шагом.

Препятствия возле тира для голубей они проехали держась очень близко друг к другу. Жан Морейль предложил поехать в Арменонвиль, чтобы там чего-нибудь выпить.

Лошади были уже в поту. Весенний день походил, скорее, на июльский. Жан Морейль и Жильберта ехали шагом по тенистой дороге. Они уже успели объехать лес во всех направлениях.

— Итак, — сказал он, — второго июня, через месяц! Что может нам помешать? Раньше, мне кажется, не удастся повенчаться из-за разных формальностей...

— Значит, решено? Второго июня?

– По рукам! – сказал он, протягивая руку в перчатке. Пришпоренные лошади пошли рядом. Всадники глядели друг на друга счастливыми глазами. Потом с сожалением расцепили руки, давая дорогу маленькой кавалькаде молодежи, промчавшейся мимо галопом и оглушившей их шумным смехом, криками и скрипом седел.

– Куда мы поедем... после? – спросила Жильберта.

– После второго июня?.. Хотите в Люверси?

– Вы шутите...

– Конечно, шучу, хотя будущее полно неизвестности...

– Странно, что вы подумали о Люверси, Жан. Когда я была маленькой, я любила мечтать о том, как я буду там счастлива с вами!

– Со мной?

– Да. Вы, конечно, в моих мечтах были... как вам сказать... белым юношей... белым, как белая страница... И вот вы пришли, и на странице появился портрет. В Люверси есть скамья, старая каменная скамья... Сколько раз я сидела на ней рядом с вашим призраком!.. Как глупо, что нельзя этого осуществить!..

– Зависит только от вас.

Жильберта гримаской выразила свое сомнение.

– А между тем я вовсе не трусиха, – сказала она. – Это не страх... Это гораздо хуже. Этому противится все мое существо. Просить меня, чтобы я вернулась в Люверси, все равно что просить меня броситься в огонь или воду. Даже если бы

вы меня об этом просили...

– Я не прошу, – ответил Жан. – Не дальше как сегодня мадам де Праз пробовала убедить меня, чтобы я заставил вас побороть ваше предубеждение. Я отказался. Напротив, я полагаю, что вы не должны насиловать свою природу.

– Мою природу... признаюсь, у меня какая-то глупая природа. Ведь змея эта, наверно, давно издохла! Мой разум кричит мне об этом. А нервы сильнее разума!.. Не правда ли, ведь она издохла?

– Я в этом убежден. Даже уверен.

– О, уверены!..

– Да, да, уверен. Так же уверен, как если б видел ее мертвой своими собственными глазами.

– Вы заинтриговали меня.

– Я не могу объяснить все это. Это, должно быть, интуиция...

– В таком случае отчего вы не настаиваете на том, чтобы и я поделила эту уверенность?

– Потому, что еще есть время. Потому, что первые аффекты, – а это, несомненно, аффект, – излечиваются весьма медленно, и я боюсь вам надоедать, иначе задержу ваше исцеление, которое медленно, но верно в вас происходит. Вот почему я никогда не буду торопить вас вернуться в Люверси. Я даже попрошу вас не думать об этом.

– Я вас не понимаю...

– Мне кажется, что так разумнее! Бывают такие склонно-

сти, привычки, странности, на которые надо нападать не с фронта, а с тыла, делая вид, что их не замечаешь...

– В сущности, – сказала Жильберта с некоторым удивлением, – теперь вы удерживаете меня от посещения Люверси! Это совершенно для меня неожиданно!

Впоследствии Жильберта не раз вспоминала о впечатлении, которое произвел на нее этот разговор. В тот момент он оставил в ней какое-то неясное, слишком беглое и бледное ощущение. Но позднее ей пришлось сознаться, что Жан Морейль показался ей тогда странным, загадочным и даже непонятным. Она вспоминала, что после этого разговора наступило неловкое молчание и она перестала расспрашивать Жана только потому, что они уже приехали в Арменонвиль. За столиком на террасе она не решалась вернуться к прежней теме. Она предпочитала не видеть больше в глазах Жана Морейля этого взволнованного и тревожащего ее выражения, которое в них внезапно появилось.

В Арменонвиле былолюдно. Это место, славившееся своими цветниками, густой зеленью, озером, было одним из лучших сельских мест вблизи Парижа. Здесь можно было наслаждаться красотой женщин, прелестью туалетов, лаской солнца, смягченного завесой листвы, ароматами весны и модных духов. К журчанию разговоров примешивалось щебетанье птиц. Лошади ржали. Автомобили непрерывными гудками усиливали всеобщий гул.

Жан и Жильберта переживали счастливейшие минуты. В

их высоких хрустальных бокалах солнечными красками играл оранжад. Стройные соломинки протыкали насквозь ледяные пластинки. Молодые люди находились в каком-то блаженном состоянии. Любовь зарождала в них влечение друг к другу, которое они сдерживали с наслаждением и мукой.

Жильберта внезапно побледнела и вскочила с места. Жан Морейль посмотрел в ту сторону, куда были устремлены ее глаза. Он вскрикнул;

– Ну нет! Вот нелепость!

Довольно далеко от них женщина обходила столики, держа в руке чашку, в которую посетители бросали монеты. Эта женщина была высока ростом и красива специфической красотой. Одну знаменитость такого рода называли Золотой Каской. Эту вполне можно было назвать Черной Каской. Это была красавица проститутка с беззастенчивым взглядом, полным апломба и лукавства. Ее спутанная черная шевелюра, взбитая наверх, поддерживалась гребнями, обсыпанными фальшивыми камнями, и вырисовывала на смуглых щеках вычурные завитки. Черное с красным театральное платье облегалo ее восхитительные формы. Даже на таком расстоянии ее профиль, несколько вульгарный, выделялся чистотой линий. На ней были высокие шнурованные ботинки, странно подчеркивавшие округлости и изгибы ног. Но самое необыкновенное – то, что вызывало шепот, когда она проходила в этой светской толпе, что заставляло женщин вскрикивать и бежать от нее, был не следовавший за

ней по пятам шоколадного цвета щенок с зеленым бантом на голове, – самое необыкновенное в ней были змеи, мелкие, скользкие, изворотливые змеи, которые обвивали ее шею и руки, точно живые ожерелья и липкие браслеты.

– Ужасно! Ужасно! – прошептала Жильберта. – Уйдем. Уйдем, прошу вас!..

Женщина со змеями подходила к ним, протягивая каждому посетителю чашку и временами водворяя на место соскользнувшую змею. Она кричала нараспев, как на рынке: «Пожертвуйте укротительнице, господа!»

– Я уйду, Жан!

– Да нет же, нет, Жильберта! Я не позволю... Гарсон!

Подошел метрдотель. Жан Морейль сунул ему стофранковый билет.

– Отдайте его этой женщине... Пусть она уйдет и не проходит мимо нас. Поняли?

Человек поклонился. Они видели, как он подошел к этой странной женщине. Она взяла деньги, утвердительно кивнула головой и взглянула в сторону Жана Морейля.

В этом взгляде, сначала равнодушном, вдруг блеснул какой-то огонек и сейчас же потух. Расстояние помешало Жильберте и Жану заметить это. Еще на мгновение черные глаза задержались на них обоих. Все нашли естественным, что женщина, смущенная тем, что ее выпроваживают, была несколько сбита с толку. Наконец она повернулась и ушла, беспечно покачиваясь на ходу. Придя сюда, она оставила на

песке маленький саквояж из рыжей кожи. Она открыла его и начала укладывать в него змей, которых срывала с шеи и с рук под внимательным наблюдением шоколадного щенка. Вокруг нее столпились гарсоны с салфетками под мышкой. Когда она удалилась, отправивший ее метрдотель вернулся к Жану.

– Что за фокусница? – спросил Жан Морейль.

– Это Ява, – ответил он. – Вы не знаете Яву, сударь?.. Она выступает в кабаре. Иногда, как видите, она приходит сюда. Ее пускают, потому что она очень приличная. Ну и, кроме того, это необыкновенно, как хотите... Мадам боится змей?

– Сколько с меня? – спросил Жан Морейль, вынимая из бумажника другой билет в сто франков.

Он расплатился. Жильберта стремительно сунула оставшуюся сдачу гарсону.

– Ого! – рассмеялся молодой человек. – Вы даете на чай по-царски!

– Он назвал меня «мадам»! Когда я с вами, мне это так приятно!.. В первый раз! «Мадам Жан Морейль!» О Жан, как я счастлива сегодня!..

Десять минут спустя они уже садились на своих лошадей.

Едва выехав из Арменонвиля, оба всадника поравнялись с Явой. Она лениво шла по мостовой с собачкой и с чемоданом в руке. На этот раз она внимательно осмотрела их обоих, в особенности Жана Морейля. В ее взгляде была жестокость, злая складка залегла в углах дерзких губ.

– Ого! – прошептала Жильберта. – У нее далеко не робкие глаза!

Они проехали мимо. Позади них раздался крик:

– Фредди! Фредди!

Собачка засуетилась при виде лошадей.

– Фредди! – снова крикнул слегка охрипший голос.

– Не оборачивайтесь! – сказала Жильберта. – Мне будет неприятно.

Лошадь внезапно споткнулась. Уверенная до сих пор ручка судорожно дернула поводья. Жан Морейль улыбнулся Жильберте насмешливой, любовной улыбкой. Но она отвернулась от него, стараясь скрыть слезы, и пустила лошадь галопом.

Глава X. В баре

Графиня обо всем столковалась с Лионелем. Решено было после прогулки пригласить Жана Морейля пообедать. День прошел без всяких событий, и обед был один из самых банальных. Он имел одну только цель – облегчить заговорщикам наблюдение за жертвой.

Жан Морейль явился в безупречном смокинге и весь вечер был очаровательно весел, хотя и впадал несколько раз в свойственную ему задумчивость. Все наблюдения этого вечера ничего нового не дали. Когда Лионель перелистывал альбом, Жан Морейль не подошел к нему, чтобы еще раз взглянуть на фотографии мадам Гюи Лаваль. Когда коснулись раздвоения личности по поводу идущей в «Одеоне» пьесы «Прокурор Галлерс», он к этому проявил только вполне обычный светский интерес.

Несмотря на позднее время, он не торопился уйти и сделал это с большим сожалением лишь около полуночи, причем не выказал никаких тревожных признаков подчинения каким-нибудь таинственным силам. Но все это ничего не доказывало. В этом убеждали Лионеля прочитанные им книги.

Он вышел вместе с Морейлем и скоро расстался с ним, желая закончить ночь в грузинском кабачке. Но как только жених Жильберты вернулся домой, Лионель занял наблюдательный пост против особняка. Он был один. Обри сидел в

засаде на другой стороне аллеи.

Прячась в тени деревьев по ту сторону мостовой, Обри не спускал глаз с куста, в котором скрытый там Лионель ждал событий. Так они условились.

Несколько позже часа ночи в кустах появился огонек. Обри знал, что это значит: Жан Морейль вышел. Огонек погас и через минуту зажегся два раза подряд. Обри понял, что Жан Морейль пошел в том же направлении, как и накануне.

Обри увидел, как человеческая тень пересекла аллею. Не теряя времени, он погнался вслед за своей жертвой. Апаш шел очень быстро и, казалось, ни о чем не беспокоился. Он не оборачивался. Было очень легко идти за ним при условии, если слежка продлится немного времени... Обри носил обувь на резиновой подошве, поэтому шел неслышно. Он не старался скрываться в тени, это показалось бы слишком подозрительным в случае, если бы Жан Морейль вздумал обернуться, обеспокоенный каким-нибудь легким шумом или под влиянием интуиции.

Но этого не было. Станный человек прямо и твердо шел к какой-то неизвестной цели. Предположив, что так же было и накануне, Обри не мог себе простить того, что тогда потерял его след.

На этот раз все сложилось наилучшим образом в интересах мадам де Праз и ее сына. Два полицейских агента встретились с мошенником и его преследователем. Вид их не произвел никакого впечатления на Жана Морейля и не заставил

его свернуть с дороги. Он на ходу закурил папиросу, защищая огонь ладонями обеих рук. Скоро он направился в ту часть района, которая примыкала к городским укреплениям.

На углу под газовым фонарем стояла женщина, кого-то подстерегая и вглядываясь во тьму; увидев Жана Морейля, она пошла к нему навстречу. Глаза ее заблестели. Обри осторожно отступил. При свете фонаря он имел время разглядеть характерные черты ночной красавицы: ее властное лицо, сине-черную шевелюру, убранную сверкающими гребнями, черное платье с пурпурной отделкой.

На одно мгновение мужчина и женщина слились в горячем объятии, затем они пошли; рука женщины обвилась вокруг стана Жана Морейля.

«Чудесно! Чудесно! – говорил про себя Обри. – Все складывается как нельзя лучше!»

Довольно улыбаясь, он пошел вслед за любовниками.

Дорогой Обри обдумывал увиденное. Лионель де Праз объяснил ему в общих чертах необычайное явление «переменного сознания». Бывший метрдотель, продувной и хитрый, хорошо усвоил это объяснение. Он знал, что ему надо делать в этой слежке за Жаном Морейлем; но, несмотря ни на что, необычайность приключения, новизна положения не переставали изумлять его, и обязанность наблюдать за такой странной личностью вызывала у него в душе какое-то непонятное и очень неприятное чувство, в котором он по простоте своей не мог разобраться.

Словом, если бы его заставили ходить по следам абсолютно нового существа, например жителя Луны, спустившегося на Землю, эффект был бы такой же. Результатом всего этого было то, что внимание Обри достигло своего максимума. Связанный с самой непостижимой тайной, он до крайности не доверял человеку, который так сильно отличался от всех других людей. Для склада его ума объяснение таким явлениям нечего было искать ни в науке, ни в медицине, ни в психиатрии, о которой он впервые в жизни услышал. Такие случаи могли быть только чудом. И Обри воображал, что случайности судьбы сделали его участником какой-то волшебной сказки, в которой ему приходилось выполнять весьма деликатную и несколько непонятную роль. Если бы он выслеживал единорога, кентавра или, как мы уже сказали, жителя Луны, он не мог бы быть более внимательным или более изумленным. Встанем на его место и представим себе наше душевное состояние, как бы культурны и образованны мы ни были, – что бы было, если бы нам пришлось ходить ночью по пятам за человеком, который представляет собой не самого себя, а совершенно другое существо?

Между тем Жан Морейль и его подруга вошли в маленький, низенький домик, дверь которого закрылась за ними.

Обри внимательно осмотрел вывеску. Это был ночной кабачок. Справа и слева от двери деревянные ставни маскировали окна.

Обри задумался. Стоит ли ему входить в неизвестный ноч-

ной кабачок? Можно с уверенностью сказать, что это ночной кабак. Чтобы убедиться в этом, достаточно было в этот поздний час видеть лучи света, пробивающиеся через щели в ставнях, и слышать долетающий оттуда глухой шум. Недоумевающий Обри прислушивался к этим звукам, которые не позволяли, однако, судить о том, какого рода собрание там происходило. Смотря по тому, что именно он воображал, он придавал этим сливающимся голосам то мирный, то угрожающий характер...

Но случилось так, что дверь отворилась снова и пропустила трех граждан, совершенно спокойных и твердо стоящих на ногах, на них, как на Обри, были поношенные брюки и спортивные рубашки. В ту же минуту в бар вошла довольно приличная чета. Обри, уже не колеблясь, вошел вслед за ними.

Они прошли первое, плохо освещенное помещение, занятое цинковой конторкой в форме дамской шпильки, оставившей небольшое свободное пространство. Типичный для парижских баров зал в этот час ночи был совершенно пуст. В следующих залах было более оживленно. Обри с самого начала успокоился насчет последствий своего предприятия. Это, собственно говоря, был не кабак. Он больше походил на обычное кафе без всяких претензий. Здесь были мраморные столики, на стенах – зеркала в поцарапанных рамах, в углу – расстроенное пианино; много табачного дыма и многочисленное собрание кутил, большей частью из самых подонков

того особого мирка, который принадлежит к любителям велоспорта. Кабачок был местом ночных и дневных свиданий всех, кому велосипед дает какой-нибудь заработок. Из механических мастерских, велодрома сюда стекались десятки мастеровых, служащих, учеников и чемпионов-велосипедистов, к которым примешивались люди сомнительной репутации, презирающие «Буффало» или «парк Принцев» и которые, приходя сюда, поддерживали старую традицию.

Появление Обри прошло незамеченным благодаря людям, вошедшим раньше его. Впрочем, собравшиеся обратили свое внимание на Жана Морейля и его спутницу, которая в ту минуту расточала свои ласки собачонке шоколадного цвета с зеленым бантом на голове. Это животное млело от удовольствия и не отходило от саквояжа из рыжей кожи.

Женщине кричали со всех сторон:

– Змей, Ява! Змей!

Девушка, казалось, не была расположена их показывать. Брови ее были нахмурены, она бормотала что-то нечленораздельное, между тем как спутник ее глядел на нее насмешливым взглядом.

Обри уселся неподалеку от трех собутыльников, шумливое настроение которых было ему на руку. Эти пьяницы, наверное, разговаривают с ним, и он от них многое узнает... Между тем он внимательно прислушивался к перебранке между Жаном Морейлем и его подругой.

– Показывай змей, раз тебя просят! – говорил Морейль.

Она не покорялась. Не спуская с него горячего, свирепого взгляда, полного любви и бешенства, она шептала:

– Говори правду, Фредди! Ведь я видела, видела, видела тебя! Видела верхом на лошади сегодня утром! Странно, но так оно было, я не рехнулась!.. С кем ты был? Кто она, такая шикарная? Кто? Я хочу знать! На остальное мне наплевать!.. Кто эта девка?.. Я окликнула тебя. Почему ты не ответил?..

Лицо Жана Морейля приняло какое-то особенно жесткое выражение. Он отрезал:

– Брось трепаться! Совсем рехнулась! Не знаю, о чем ты говоришь.

Ява сдерживала слезы. Все глядели на них. В воздухе нарастало любопытство.

– Бросишь фокусничать? – процедил мужчина сквозь зубы.

Ява с мрачным отчаянием опустила голову.

В публике снова закричали:

– Змей! Змей! Змей!

Кто-то крикнул:

– Показывай ты, Фредди! Покажи разок змей сам, Фредди!

– Вот это ловко будет! – заметил один из соседей Обри.

Хозяин бара, человек с толстым животом и голыми руками, начал уговаривать Фредди, не отходя от своей стойки, где он то и дело звенел стаканами:

– Да ну же! Фредди! Удружи! Давно мы тебя не видали

за работой, лентяй!.. Господа и дамы, захотите только и вы увидите опасные опыты Ужа-Фредди!

– Фредди! Фредди! – раздавалось со всех сторон.

– Дай чемодан! – приказал Жан Морейль Яве. – Так и быть, покажу, что умею.

На его губах появилась самоуверенная улыбка. Он снял пиджак, засучил рукава розовой с белыми полосками рубашки до локтей.

На правом предплечье была татуировка: синий уж, обвивающий руку.

Перед ним на стол поставили открытый чемодан. Он присел на корточки по-восточному и поднес к губам легкую свирель.

– Тише! – скомандовал хозяин бара.

Ява уныло отгоняла слишком любопытствующих зрителей.

Сосед Обри был маленький смуглый парнишка, сухопарый и угловатый; согнутая спина его указывала на увлечение велосипедным спортом. Вместе с двумя другими товарищами, не менее тощими, чем он сам, они как будто праздновали чью-то победу.

– Ого! Уж Фредди! Интересное имя, – вставил словцо Обри.

– Еще бы! – ответил сосед. – Другого такого бездельника, как этот красавчик, не найдешь!

– Заткни фонтан! – крикнул ему другой. – Его за это на-

зывают Ужом, что он – лентяй.

– Неужто ты думаешь, что я его не знаю, болван! Я еще тогда сюда приходил, когда он без Явы работал...

Обри с нетерпением задумался над тем, какой такой «работой» займется Жан Морейль под именем Уж Фредди, когда вдруг раздалась нежная, тягучая и монотонная мелодия. Скрестив ноги и сидя на корточках возле своего саквояжа, Уж Фредди играл на дудочке, беспечно покачиваясь из стороны в сторону. Собачонка Бенко, сидя на стуле возле саквояжа, внимательно слушала его, наклоняя курчавую головку то вправо, то влево, и самым комичным образом встряхивала своим зеленым бантом-мотыльком.

В кабачке все затаили дыхание.

Звуки флейты завораживали. Сначала они походили на горячий свист ветра в камышах джунглей, потом посыпался ряд не очень мелодичных, но бесконечно ласкающих звуков и таких тихих, что все слышали внутри чемодана шелест и легкие толчки.

Обри вздрогнул. Внезапно, с упругостью пружины, заставляющей выскакивать из коробки игрушечного черта, из чемодана высунула несколько дюймов своего тела змея; ее плоская голова тянулась к музыканту, то быстро выбрасывая вперед, то пряча раздвоенный кончик языка. За первой показалась другая, за ней – третья. В одно мгновение весь чемодан превратился в сосуд, из которого торчал отвратительный букет из змей. Казалось, что в таинственном чреве этого

чемодана таится отрубленная голова Медузы.

Флейта участила ритм, она свистела. Покачивание музыканта превратилось в танец туловища вокруг неподвижных бедер и следовало в своих движениях колебаниям мелодии. Змеи наклонялись то в одну, то в другую сторону, точно стебли, сгибаемые ветром.

Раздался нескончаемый протяжный свист флейты, и всякое движение замерло. Действительно, в этом свисте было нечто непрерывное и устойчивое – олицетворение неподвижности в звуке, что-то, напоминающее бесконечную линию горизонта. Эта мелодичная прямая линия закончилась целым рядом дрожаний. Уж Фредди, подобный индийскому факиру, такой же невозмутимый и важный, как они, издавал теперь журчание, такое нежное и легкое, как будто боялся оборвать его собственным дыханием и пальцами, осторожно перебегающими по отверстиям дудочки. Это журчание изображало извивы пресмыкания, волнообразные линии в пространстве тишины. Уж Фредди подчеркивал их, придавая своим плечам текучую подвижность...

Змеи поползли. Они растекались скользким пучком по мраморному столику, беспрестанно связывая и развязывая свой узел. Оттуда они пробрались на колени Фредди, и одна из них внезапно выбросила свое тело вверх к его шее и обвилась вокруг нее кольцом.

Вскоре Фредди был весь перевязан змеями, точно древесный ствол в тропическом лесу. Они были у него на плечах,

на голове, на кистях рук. Все их треугольные головки тянулись к нежной свирели. Жестокие глаза, устремленные в одну точку, горели; быстро шевелились вилообразные язычки. И синяя татуированная на руке Фредди змея, как будто тоже повинувась звукам нежной мелодии, извивалась блестящими кольцами и поднимала великолепно вычерченную голову.

Этот момент Ява избрала для того, чтобы обойти публику и собрать деньги. Когда она вернулась, держа в руках полную тарелку кредиток, Фредди перестал играть, снял с себя свое змеиное кашне и водворил ужей в их кожаное жилище.

Загремели аплодисменты. Сам хозяин соблаговолил покинуть стойку и раскупорить для Фредди бутылку шипучего.

– Если б ты захотел, ты был бы богачом. Ява тоже умеет это делать, но у тебя, дружище, у тебя это выходит замечательно! За один сеанс каждый вечер я дал бы тебе...

– Отвяжись! – сказал Фредди.

Хозяин досадливо махнул рукой и, высоко подняв руку, одним духом опорожнил свой бокал.

Обри поставил бутылку вина своим трем соседям, но они не очень доверяли этому новому пришельцу, так как принадлежали к тому кругу, где недоверие – правило. Обри почувствовал, что всякий прямой вопрос вызовет вражду. Он пустился на все хитрости и с тысячью трудностей узнал наконец самое существенное из того, что ему нужно было узнать. Тот из трех собутыльников, который давно, раньше других посещал этот кабачок, уже нашел здесь Ужа Фредди. Это бы-

ло два года тому назад. В то время он сам показывал своих змей. Ява появилась в его жизни позднее. В общем, никто из них не знал, чем занимается Фредди. Это никого не касалось. Они видели его только по ночам в кабачке.

От Обри не ускользнул подозрительный огонек в глазах собеседников. Впрочем, время шло. Посетители кабачка мало-помалу расходились. В баре оставалось еще человек двадцать; одни из них оживленно болтали, другие были погружены в пьяное отупение.

В одном из отдаленных уголков сидели Ява и Уж Фредди. Он развалился в ленивой позе и мирно курил папиросу за папиросой. С праздным и равнодушным видом оглядывал он публику. А она, положив свою красивую и горячую головку к нему на плечо, что-то тихо ему говорила, устремив свой томный, взволнованный взор в пространство.

Обри видел их сквозь густую завесу дыма, но не мог слышать того, что говорила Ява. Она как будто просила о чем-то, умоляла... Молчание ее собеседника приводило ее в отчаяние, раздражало. Она вдруг встряхнула его за плечо... Он не шевельнулся. Осмелев, она сделала это еще сильнее. Но Жан Морейль, или, вернее, Уж Фредди, – потому что Жан Морейль в это время был вычеркнут из списка людей, – Фредди медленно повернул к девушке жестокое лицо, произнес какое-то короткое ругательство, о котором можно было догадаться по выражению губ, поднял руку... Этого было достаточно, чтобы ему на шею бросилась обожающая его

Ява, полная смирения и раскаяния.

Однако Фредди довольно часто поглядывал на круглые стенные часы между плакатами, прославляющими необычайные достоинства аперитивов с нелепыми, но звучными названиями. Между тем лучше, чем часы, стеклянный потолок этого зала, внезапно отразивший бледный свет зари, показал, что наступил конец ночи.

Фредди вскочил на ноги. Ява схватила свой чемодан и поспешила за ним. Бенко, встряхнувшись, сонно поплелась за ними следом.

Обри предусмотрительно опередил их в полумраке. Он видел, что Фредди, выдержав судорожное объятие Явы, удалился. Она провожала его взглядом, пока он совсем не исчез во тьме.

Выслеживать Фредди дальше не имело никакого смысла. Но Обри хотелось знать, что будет делать Ява, и он узнал это.

Ява, погруженная в свои грустные мысли, опустив голову, двигалась невеселой походкой и нисколько не заботилась о том, преследует ее кто-нибудь или нет. Впрочем, женщина, в особенности в Париже, всегда является предметом преследования; бедняжки так привыкли к тому, что за ними тянется один или несколько назойливых воздыхателей, что за ними очень легко следить, не вызывая никакого подозрения. Они принимают сыщика за ухажера, только и всего.

Но Ява даже не заметила присутствия Обри. Он видел, как она вошла в дом с вывеской «Меблированные комнаты».

Удовлетворенный, почти счастливый, Обри повернул назад. Ночь была плодотворна. Оставалось только отдать кому следует отчет о том, что произошло.

Это он выполнил в десять часов утра. Лионель выслушал доклад привратника и сообщил ему, что Жан Морейль вернулся домой при первых проблесках зари. У Лионеля хватило терпения простоять до тех пор в кустах.

Как бы интересны ни были сообщения Обри, он не мог предвидеть того эффекта и того изумления, которое они произведут на Лионеля де Прази. Молодой человек заставил его несколько раз пересказать сцену со змеями. Имя, прозвище, казалось, произвели на него совсем особое впечатление, настолько сильное, что Обри спросил у него причину.

– Это из-за альбома, – рассеянно ответил ему Лионель.

– Господин граф, разрешите мне вас спросить...

Но Лионель, занятый своими мыслями, которые, точно черные тучи, сгущались мало-помалу в более отчетливые формы, спросил, вместо того чтобы ответить на вопрос:

– Обри, сколько времени вы на службе у моей матери?

– Господин граф, я поступил на службу к мадам де Праз незадолго до смерти мадам Гюи Лаваль, у которой несколько месяцев служил метрдотелем.

– Следовательно, пять лет тому назад, во время кончины моей тетки, вы были в Люверси?

– Да, граф.

– Так вот, не встречали ли вы в то время Жана Морейля?

Не видали ли вы когда-нибудь Ужа Фредди, а это то же самое? Поройтесь хорошенько в памяти! Да ну же, Обри, потрудитесь! Вы по долгу службы постоянно находились в замке, когда там жила моя тетя, ведь я приезжал туда только на время каникул. Подумайте! Не помните ли вы какого-нибудь бродягу... нищего... почему я знаю?

– Господи боже мой, граф!

Слуга сразу раскусил, какого рода подозрение приняло уже конкретные формы в мозгу хозяина; слуга-сыщик побледнел, и они глядели друг на друга несколько секунд, глядели так, как если бы вдруг все окружающее каким-то чудом окрасилось в необычайные краски. Обри задумался. Наконец, все еще стараясь что-то вспомнить, он сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.